

Ана Асная

**Хроники
ордена Церберов**

Яна Ясная

Хроники ордена Церберов

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67567632

Аннотация

Если вдруг из тебя не вышло не то что приличной жены, но и даже неприличной ведьмы, а в сердце свербит жажда приключений (хотя некоторые утверждают, что это шило и значительно ниже сердца), если на родных болотах тебе больше нет места – остается один путь: в Орден Церберов, гонять чудовищ.

Но ступив на этот путь, следует быть готовой к тому, что у чудовищ есть своя точка зрения, и они, в свою очередь, тоже весьма не прочь погонять церберов! Ну а к тому, что твой напарник может оказаться похлеще всяких чудовищ, готовой быть и вовсе нельзя...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	38
Глава 4	56
Глава 5	72
Глава 6	86
Глава 7	105
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Яна Ясная

Хроники ордена церберов

Глава 1

– Следующий! Имя?

– Танис с Фидейских болот.

– Четвертый этаж, седьмая дверь справа. Первый колокол – подъем, второй – общее построение и разминка. Третий колокол – завтрак. После завтрака – распределение. Свободна. Следующий. Имя?..

Голос дежурного звучал настолько монотонно, что создавалось ощущение, будто он вовсе проделывает необходимую работу, не просыпаясь. Мы должны были прибыть в место нашего распределения – акрополь Кремос, что в городе Сард – еще до заката, но бесконечные дожди размыли дорогу до полного непотребства. Лошади уныло месили копытами грязь, телеги обоза то и дело вязли в ней же, мы проклинали непогоду, но поделать ничего не могли.

Распогодилось лишь на подъезде к городу. Ветер сдернул плотную вуаль туч с бездонного неба, открывая россыпь звезд с сырным кругом луны в центре, подковы застучали бодрее, но все равно городские часы пробили три, когда мы наконец проехали под аркой со скалящим пасти трехголо-

ВЫМ ПСОМ.

Я давно ждала этого момента с восторгом и замиранием сердца, но в миг, когда за моей спиной закрылись кованые ворота, испытала лишь облегчение – наконец-то. Сейчас все мы – пятеро новичков, прошедшие учебу в цитадели Церберов, только-только получившие почетное клеймо ордена – хотели одного: спать.

Заветная близость желаемого придала сил, и по лестнице я взлетела весьма бодро, тихонько толкнула дверь в нужную комнату, сама просочилась туда же и озадаченно застыла на пороге, уставившись на мужской зад.

Голый мужской зад.

Не то, чтобы мне в жизни не доводилось видеть подобного. Когда идешь в профессию, которая на три четвертых является мужской (и то на словах, а на деле в один год со мной на обучение приняли двадцать пять парней и всего трех девушек), то чего только не насмотришься.

Но как-то не готова я была к такому виду вот так вот прям с дороги да в глаз.

Яркая луна заглядывала в окно, любезно подсвечивая подробности.

Он ничего так, да, этот зад. Крепкий, ладный. И спина красивая – широкая, с четко прорисованными мышцами. Парочка интересных шрамов. Затененная линия позвоночника. И девица рядом очень даже. Мне вот о такой груди и мечтать не приходится. Волосы – темный атлас, а кожа как

будто бархатная на вид.

Одно “но” только.

Кто-то из этих двоих дрых на моей кровати. По крайней мере, одна из сдвинутых вместе коек – точно была моей, я двери честно пересчитала два раза.

Задумчиво качнувшись с пятки на носок и обратно, я обошла сдвоенное ложе по кругу, сбросила на пол вещмешок, повела плечами, удобно ухватила ближайший угол кровати и рывком дернула на себя.

Зверский скрежет, глухой грохот, нежный вскрик.

Кровать (и девица на ней) оказалась довольно легкой, потому что охотно поехала, куда ее двигали. Девице больше хотелось остаться в объятиях мужика, чем на кровати (сомнительный выбор), поэтому она и скатилась благополучно в образовавшуюся дыру.

Я отсалютовала недоуменно хлопающим темным глазищем – и взялась за другой угол кровати.

– Ты что делаешь?! – визг был уже совсем не нежным.

– Вы спите-спите, – пропыхтела я, с грустью осознав, что это не кровать была легкая, а сил я в первый рывок вложила со злости столько, что на последующие их уже не осталось. – Я вам больше не помешаю!

А, ладно, и так сойдет! Завтра в угол до конца оттащу, очень уж спать хочется.

Перевязь с оружием я пристроила на подставку на остатках доступной мне бережности. На прочее ее уже не хватило,

и одежда полетела на пол неопрятный кучей. Сапоги – под кровать. Вещмешок, после короткой, но отчаянной борьбы, отдал мне свежую рубашку и отправился к сапогам.

Вялая мысль о том, что надо бы распинать всё моё барахло хотя бы равномерным слоем по полу, чтобы просохло, ворохнулась, и тут же была изгнана могучим заклинанием “завтра, всё завтра”.

Спа-а-ать!

Но стоило лишь мне вытянуться в кровати (благодаренье Ведающему Тропы, ее на мою длину хватило) и уткнуться лицом в матрас, как кровать вместе со мной с диким скрежетом куда-то поехала.

Вот только зря я взметнулась змеей, готовая насмерть драться за свое право спать на ней – это мой голозадый сосед всего лишь доподвинул не покорившийся мне угол к стене, как положено.

Его подружка, прижимая к богатой груди простынь, очумело переводила взгляд с меня на него и обратно.

– Иди в койку.

Голос у соседа оказался хрипловатым со сна.

– Но... Как же... Здесь же...

– Она тебе мешает?

– Да вы оба больные! – взвилась брюнетка, и подхватив свои пожитки, вылетела из комнаты.

Между прочим – так и не вернув соседу простыни.

Я уткнулась лицом в матрас и старалась не выдать рву-

щийся наружу смех. Подушка, которую я постеснялась требовать, увесисто прилетела мне в затылок – и вдавила меня лицом в постель в приступе хохота.

А что, всё верно: грудастая сбежала, зачем ему теперь две подушки?

Сосед размял кости, повел плечами.

– Может, обратно сдвинем? Ночи тут холодные...

Я поперхнулась весельем:

– Спать одетым не пробовал?!

И по смешку соседа поняла, что повелась на простейшую подначку.

Огрызаться и что-то исправлять не стала, но зарубку на память сделала.

При случае верну ему шутку. Но это потом, а сейчас – спа-а-ать!

Спать!

* * *

Меня куда-то волокли. Руки и ноги были неподъемно тяжелыми, и знакомый терпкий привкус дурманного зелья во рту понятно объяснял, отчего так вышло. Слюна была вязкой, густой.

Я отчетливо понимала, что несут меня на убой, но страха почему-то не было. Его заменяла обида – и она заслоняла все остальное, и даже стыд за то, что я так глупо попалась,

плескался на дне души. А обида жгла. За преданное доверие, за чудовищную несправедливость происходящего, за то, что мне предстоит столь бездарно окончить жизнь.

Зеленоватый туман мягко светился в ночном лесу, обвинялся вокруг деревьев и тянул щупальца к плоскому черному камню. Меня забросили на него грубо и бесцеремонно, и удар спиной вышиб из легких остатки воздуха. Пока я приходил в себя, сквозь боль пытаюсь выровнять дыхание, мои “проводимые” встали вокруг алтаря и затянули литанию. Длинная и монотонная, она звучала слаженно, заставляя задуматься – как долго они к этому готовились.

Обида снова стиснула сердце и тесно переплелась с отчаянием.

Балахоны скрывали тела присутствующих, а капюшоны – лица, но я и так знала, кто они. Кто в этом проклятом месте встал вокруг алтаря, чтоб принести меня в жертву.

От темных фигур стало исходить свечение, и сильнее всего было от того, кто стоял у меня в изголовье. Тот, кому я верила больше, чем себе. Тот, от чьего предательства было больнее всего.

Тело, связанное дурманом, отказывалось повиноваться, но я видела, как он воздел руки, занося над головой нож.

Отчаяние, гнев и обида захлестнули с головой – а затем их снесло жуткой болью, когда ритуальный клинок пробил грудину.

Боль была такой страшной, что я проснулась.

Провела рукой по лицу – и ощутила ладонью испарину. Да уж...

Сон был... странный. Слишком яркий, слишком реалистичный. Больше похожий на... воспоминание? Предвидение?..

Но уж точно – не моё. В моей жизни не было никого, кому я бы доверяла так, как я-из сна. Я и в детстве-то людям доверяла в меру, с оглядкой, и старая Карима, заменившая мне мать, только одобрительно кивала на это: люди все разные, чужая душа – потемки, доверяй, но проверяй (и прочие премудрости, усвоенные болотной ведьмой на собственной шкуре).

Бросила взгляд на соседа, прикидывая, может ли мой сон иметь отношения к нему. Рассветные сумерки, заглянувшие в высокое окно, были куда прозрачнее непроглядной темени, в которой мы познакомились, и сейчас я отчетливо видела взъерошенные светлые волосы (“Чистое золото, а не масть, зачем мужику такая красота?!” – завистливо вздохнула во мне баба), шрам поперек брови, темные густые ресницы.

Ну... не знаю-не знаю, как там на самом деле, но чуйка мне шептала, что этот тоже не из доверчивых.

Если честно, сновидение и предсказания – не то чтобы мои сильные стороны...

И слава Ведающему Тропы, что-то мне не хотелось бы регулярно просыпаться так, как сейчас!

Гулко бухнул колокол, возвещая подъем. Скоро он подаст

голос второй раз, собирая братьев и сестер на утреннее занятие... Я усмехнулась сама себе: октись, девка, какое “занятие”? Занятия с уроками остались в Логове, сиречь, цитадели, где орден обучал новичков. Здесь второй колокол зовет к утренней тренировке!

Пока я копалась в своих мыслях, сосед уже встал, и теперь неспешно, но и не пытаюсь покрасоваться перед новенькой, одевался.

– Ты, случайно, сон не терял? – без особой надежды спросила я у него.

Взглянув на меня, как на дуру, голозадый подхватил оружие и вышел.

Вот тебе и “Доброе утро, Танис!”.

Что ж. Перескажу сон кому-то из магистров – пусть это будут их заботы.

Соскользнув с кровати, я стремительно натянула на себя сырую одежду (ой, надо, надо было пересилить себя ночью и разложить ее нормально!), защелкнула на талии пояс с кинжалом, проверила, как выходит из ножен Плясунья, понадежнее скрутила волосы и поторопилась во двор.

С четвертого этажа на первый, вместе с людским потоком вышла в дверь, и завертела головой, оглядываясь.

Широкий двор, мощный камнем, несколько пятачков со снарядами, просторная огороженная площадка для разминок с оружием – большей частью всё, как в Логове...

– О, Танис!

Вот так всегда. Чуть что – и я уже не "У-у-у-у, змея!", а "О, Танис!".

Новички, прибывшие вместе со мной, неуверенно мялись неподалеку от дверей: в акрополе Кремос никто не озаботился такой ерундой, как общая разминка. Здесь обитали взрослые люди, и каждый из них сам знал, как ему лучше заботиться о своем теле.

– Чего столпились? За мной.

Утоптанная дорожка, бегущая вокруг тренировочной площадки, предупредительно прыгнула под ноги, и четверо моих бывших соучеников потянулись за мной, как гусята за мамкой-гусыней.

Не знаю, как у них тут принято, но я не собираюсь отказываться от привычного только потому, что некому отдать мне приказ.

Так уж вышло, что в тот год, когда я пришла к стенам ордена, все прочие, искавшие себе места под его стягом, оказались на год-два младше меня. Вот и получилось, что привыкли мои соученики оглядываться на меня, как младшие на старшую.

Впрочем, любви между нами большой не случилось, потому как нрав у меня – что болотная водица, едкий и вонючий.

Шуганув после пробежки парней, чтобы рассыпались по двору, присматриваясь к старшим, я поочередно размяла суставы, от шеи до ступней, и потянула из ножен Плясунью.

Стальная подруга рыбкой взметнулась в воздух, и потянула за собой тело, разогревая его уже как следует.

Когда напротив меня встал незнакомый орденец и принял мой тренировочный выпад на оружие, я довольно выдохнула – с напарником-то, ясное дело, интереснее клинками звенеть, чем вхолостую тени гонять! – и шагнула вперед в привычной тренировочной связке.

Скорость наращивала плавно, давая сердцу набрать ход, разогнать по жилам кровь.

Горло, ребра, бедро, ребра, горло, перекинуть клинок в левую руку, повторить – клинки танцевали, выводя остриями причудливый узор, я же, подчиняясь вбитому наставниками Логова навыку, не смотрела на них, следя за движением тела противника... И лишь когда солнышко блеснуло в его волосах, запоздало догадалась приглядеться: золотистая масть, рассеченная шрамом бровь...

– С добрым утром, сосед!

– Плохо у тебя с внимательностью, соседка, долговато узнавала, – он хмыкнул, легко принимая и отводя мой удар.

– Так ты бы штаны приспустил – а то я лица не запомнила!

Голозадый заржал и перестроился, сам переходя в наступление.

Он погнал меня по двору в традиционном атакующем комплексе, и, против ожидания, не пытался пробить или подловить – просто выполнял стандартные упражнения в хорошем разминочном темпе. И присматривался, оценивая. Я

не протестовала, я занималась тем же.

Силен. Но тяжеловат. Гибкости не хватает, но компенсирует скоростью. Отличный боец, словно нарочно вылепленный под Клыка.

Момент окончания длинной разминочной связки отметился тем, что я резко ушла в сторону, ожидая неминуемой атаки, и она прошла стороной, но и контратака моя цели не достигла. Клинки встречались и звенели, и его сила проваливалась в мою ловкость и коварство, не давая ему ничего, и все быстрее и быстрее звенело железо...

Вдохновение коснулось души белым пером, подхватило волной, раскрыло за спиной крылья. И я взметнулась на гребне этой волны, и стала быстрее себя, сильнее себя и прозорливее. И крылья понесли меня, и Плясунья запела яростнее, звонче оружия противника, и я теснила, теснила его по тренировочному двору, напирая, нападая. И он только успевал отбиваться, подставляя меч под мои удары!

И не злился, нет. Я чувяла его хмельную радость, такую же точно, что и моя.

И когда Плясунья нашла брешь в его обороне, и коснулась незащитного бока мне было остро жаль, что бой закончился.

Я была мокра от пота насквозь, в перетруженные руки и ноги не спеша приходила мелкая дрожь, а пальцы вцепились в рукоять так, что еще попробуй, разведи – но мне было почти больно от того, что это наслаждение иссякло.

Крылья, белоснежные крылья вдохновения, что прорастали в моей душе и возносили меня над миром, и несли в блаженное небо, вновь меня оставили.

На слова соседа "Неплохо, только не увлекайся так на тренировках" я только кивнула.

Как бы не так!

Крылья. Треклятые крылья вдохновения всегда были в моей жизни, и то они несли меня вперед, то я неслась за ними. Ничего не было слаще этого чувства.

Кто-то пришел в Орден за лучшей жизнью, за достатком. Кто-то – чтобы служить и защищать других. Кто-то...

А я пришла за мгновениями неистового упоения. За дрожью победы. За той сладостью, что заливают сердце, когда схлынет опасность, и ты вновь победил.

* * *

Вернув Плясунью в ножны и пожав партнеру руку, я прошла к колодам с водой у стены. Народ заканчивал с утренней тренировкой, и в воде плескались полуголые церберы, подставив нескромному девичьему взгляду крепкие мужские спины. Просто загляденье!

Журчала вода, свисали с крюков полотняные полотенца, обтрепанные, но чистые... Сестер по оружию я навскидку насчитала не больше десятка. Они не заголялись, как мужики, но и не стеснялись, не кучковались робко своим кругом.

Один из моих бывших соучеников, Аим, умывался, стянув рубаху, намочив волосы и получая полное удовольствие от занятия.

А я набрала воды полные пригоршни и нырнула в холод горящим лицом, прислушиваясь, как догорает в теле счастье.

И была неприятно удивлена, когда по моей заднице звучно шлепнула чужая (точно чужая – мои-то обе заняты!) ладонь.

Аим замер, забыв как дышать.

А я... а я зачерпнула еще воды, и поглубже окунулась в нее, делая вид, что ничего такого не случилось. Я, может, вообще ничего не заметила!

Шумно отфыркалась, снова плеснула в лицо полными пригоршнями.

Аим по правую руку от меня так и не пошевелился, и только стекающая с него обратно в корыто звонкая капель нарушала его каменную неподвижность.

Довольный своей шуткой, цербер вразвалку прошел рядом со мной, пристроился по левую руку. Наклонился, потянулся набрать в ладони воды – и неожиданно ушел в нее головой по самые плечи.

А потому что тело человеческое так уж устроено, что если вывернуть кому-то руку вверх да заломить до боли – он непременно клонет лицом вниз. Ничего не поделаешь, так уж мы все богами скроены.

Раз, два, три, четыре...

Цербер пытался вывернуться, воспользоваться преимуществом в весе – но я успела закрепиться “земными корнями”, а выскочить из моего захвата, да в таком неудобном положении, давненько уже мало кому удавалось.

...пять, шесть, семь, восемь.

Я ослабила захват и позволила шутнику вынырнуть, разогнуться – ровно на один вдох. И с удовлетворением отметила, что он успел-таки этот вдох ухватить, прежде чем я повернула плечо, вновь заставив мужика нырнуть в корыто.

Раз, два, три...

Белобрысый сосед тоже пришел сюда смыть с себя пот после разминки.

– Мы вам не мешаем? – кротко уточнила я.

– Нет-нет, места всем хватит!

На невезучего собрата белобрысый поглядел насмешливо.
...восемь!

Ослабить захват – и тут же уйти с линии удара. В душе вновь всколыхнулось вдохновение, и кровь кипела.

Моей жертве совсем не нравилось быть жертвой, и тяжелый кулак был тому намеком – вот только не дошел до меня ни намек, ни кулак, руку вырвать он тоже не сумел, а вот я сумела и подшагнуть ему за спину, и снова загнать в воду по самую холку.

Раз, два, три, четыре, пять...

– Что здесь происходит?

Вопрос, заданный жестким голосом человека, привыкшего отдавать приказы, заставил меня отпустить добычу и встать навтыжку. Пока “добыча” отряхивалась от воды, я преданно поедала взглядом начальство: длинная мантия с орнаментов защитных знаков и алой оторочкой по подолу и рукавам, медальон – серебряный цербер с рубиновыми глазами на черном поле.

Аргус. Аргус акрополя Кремос, человек, возглавляющий отделение ордена Церберов в городе Сард. Лично пожелал узнать, почему один из его воинов макал в воду другого.

Ой, Танис, не из-за проклятья бабка Карима тебя с болот выгнала, ой, не из-за проклятья – а потому что от дурней в учениках избавляться нужно вовремя!

Ночью в крепость приехали новички и сегодня утром первая для них тренировка на новом месте. Разве трудно сообразить, что аргус и его магистры пожелают посмотреть на пополнение, чтобы понимать, куда их приставить на службу?

Посмотрели!

Молодец, Танис. Уж показала себя так показала.

Аргус смерил взглядом нас обоих, выразительно задержавшись им на моих стопах: там еще не полностью развеялись следы “корней”, которыми я закрепляла свою стойку.

В ордене запрещено направлять магию против собратьев по оружию, пусть я и применила ее не против кого-то, а на себя. Впрочем, в ордене также запрещено хватать собратьев по оружию за задницу – так что аргус мне ничего не сказал,

развернувшись к недавнему противнику:

– Дейрек Рыскач. – Голос аргуса звенел металлом. – В ближайший месяц, в свободное от заданий время, будешь нести дозор на воротах.

И, не слушая несчастного “Да, аргус”, развернулся ко мне.

– Танис Болотная! Поступаешь в пару к Илиану Камню.

И по тону его было понятно – это тоже наказание.

Я настолько растерялась, пытаюсь сообразить, чем же страшен этот Илиан Камень, что не успела вовремя ответить на этот приказ так, как велит орденский устав. Мое “Да, аргус!” прозвучало уже в спину удалявшейся мантии, слившись с возмущенным “А меня-то за что?!” белобрысого.

Я сочувственно посмотрела на Рыскача: в Логове на ворота тоже ставили провинившихся. Орден Церберов воюет не с людьми, а чудовища не приходят в орденские акрополи. Скучное, бессмысленное задание, которое тем не менее должно быть выполнено.

– Извини.

Не то чтобы я раскаивалась в том, что помогла Дейреку Рыскачу ополоснуться после тренировки, но дать отпор, когда на характер проверяют – это одно, а всерьез до неприязни доводить – другое. Нам еще служить локоть к локтю.

Ответный взгляд цербера был точно таким же, как и мой:

– Да ладно. Ты тоже извини, что так вышло...

И, судя по взгляду, брошенному на белобрысого Илиана, он тоже извинялся не за сам шлепок...

Чем он так страшен? До сих пор сосед ничем особо неприятным себя не проявлял.

Пожав плечами, я вернулась к умыванию.

И успела заметить, что Аим, притихший еще в самом начале драки, отмер – и повесил на гвоздь полотенце, которое всё это время держал в руках. Мокрое, скрученное тугим жгутом полотенце, с помощью каких мальчишки в Логове в мыльнях выясняли отношения тайком от наставников.

Мне стало смешно, и я торопливо окунулась в воду, чтобы не выдать себя.

Интересно, кого Аим этим полотенцем в разум возвращать собирался в случае чего?

«Бом-м-м!» – гулко провозгласил колокол, созывая цебреров к завтраку.

Глава 2

В трапезной было людно. Суетилась обслуга, разнося простую, но вкусную и сытную еду.

Свободных мест хватало, но я покрутила головой, выискивая своих соучеников по Логову: дело к ним было.

Владис и Терек, оба темноволосые, смуглые и невысокие, сидели с самого краю длинного стола, тощий и нескладный Дем, по которому ни за что не скажешь, что магически он один из самых сильных Клыков во всем нашем наборе – напротив них. Вот рядом с ним я и устроилась. Аим сел по другую руку от Дема, и тем завершил сбор новичков акрополя Кремос.

– Успели разузнать, где здесь что? – я проводила одобрительным взглядом миску с кашей, обильно приправленной маслом, которую плюхнул передо мной мальчишка-разносчик.

– Когда бы? – буркнул Терек, без особой охоты ковыряя в миске ложкой.

Бедняге досталась дурная особенность: в волнении он совсем не мог есть. И сейчас, когда от будущей службы его отделяло лишь время, отведенное на завтрак, кусок ему в горло не лез.

– Я узнавала – после завтрака и до распределения будет с полчаса свободного времени. Выяснишь, где здесь порто-

мойня.

Влажные утренние тряпки взывали к воде и щелоку.

– Прачечная, деревня! – встрял Дем.

– Поговори мне тут еще – и пойдешь искать целителя. – Я зачерпнула каши, подумала, и решила, что такая инициатива не должна оставаться без награды, – Кстати, и пойдешь. После завтрака узнай, кто в Кремесе ведает зельями, артефактами и прочей отравой, а то мы все пустые, считай. Аим, на тебе прочий припас – так что ты ищешь кладовщика и выяснешь, чего здесь новичкам в путь выдают. Терек...

Подвижный и живой, уроженец графства Талар был самым общительным из нас, и именно его я попросила:

– Потрись среди старших, расспроси, кто такой Илиан Камень.

– Сделаю, – легко откликнулся таларец, и я, с чувством удовлетворения убедившись, что все охвачены заботой, наконец-то смогла донести ложку до рта.

Что тут скажешь? Вкусно!

– Ну и чучело.

Дар Ока, выпестованный годами обучения и приученный замечать направленное на хозяйку внимание, выхватил эту фразу из гомона голосов в трапезной.

Я покосилась на мальчишек: сидят, жуют, переговариваются по мелочи... Нет, точно не слухом я эти слова услышала!

Слова эти, меж тем, не остались без ответа:

– С чего вдруг?

– Да ты посмотри на нее, как вчера со Змеиных Болот вылезла! За годы обучения могла бы и очеловечиться!

Я небрежно оглядела трапезный зал, пытаюсь выискать говоривших.

Забавно – наш орден собирает под свою “лапу” все имперские языки и земли, но все различия быстро теряются и повадки становятся одинаковыми: таких, как я, упрямых или любящих подразнить гусей, не так уж много, а потому мой взгляд скользил по мужчинам и редким женщинам – и невольно отмечал их сходство.

В одежде, в оружии, в прическах.

А вот определить, кто из них полоскал мне кости – увы, не мог: несмотря на природный чувствительный дар и немалый опыт, приобретенный за время учебы, слишком уж мало мне еще были знакомы местные.

Я, ухмыляясь, черпала ложкой кашу.

Ну правда же, вкусно!

И приятно попасть в место, где на тебя снова реагируют!

Край, откуда я родом, считается в Империи диким. Диким-диким. Глухим, болотным. И люди там живут дикие. Варвары сплошь, мясо сырым с кости едят (кстати, я пробовала – ничего так, только в зубах застревает). И вера у них (у нас, то есть) дикая и варварская.

Я, вот странное дело, когда в орден явилась, этого всего не

знала. Думала, что место как место: вот болота с нашей избушкой, вот деревня ребяташками-приятелями, а вон там, на горке, за лесочком – замок владельца здешних мест. Отчего ж дыра и глухомань? Всё как везде.

А тут в ордене – варварка! Дикарка! И ну всячески мне об этом сообщать. А я что, я ничего.

Я человек тихий, мирный. Я пальцы ломать не приучена, даже если ими, к примеру, в кого-то тихого и мирного тыкают. В меня, к примеру.

Но еще я и упрямый человек к тому же.

В сердце Империи принято говорить, как осел. У нас говорили – как коза. И если кто когда пытался согнать козу с крыши, когда коза не желает с нее слезать – тот поймет, о чем я говорю.

И вот пришла я в отведенную мне комнатушку и в первый же вечер на себя со стороны взглянула.

На шее шнурок, на нем четыре бусины: “первая в роду”, “последняя в роду”, “первенец”, “иду за Ведающим Тропы”.

На втором шнурке дырявый плоский камень, куриный бог – “дочь ведьмы”. По сторонам от него три стеклянных зеленых бусины – я трижды доказала наставнице, что знаю травы. Лягушачья косточка – умею ходить по болотам. Серое с черным окаемом перо – добыла птицу ловь.

Две русые косы на груди лежат – масть не редкая, что дома, что здесь три из четырех русые. Всей разницы – здесь девки все больше носят одну косу, а замужние бабы, и там,

и тут вовсе волосы в одинаковый узел и под платок убирают.

Я вот – не замужем, и потому ношу косы. Они перехвачены лоскутами змеиной шкуры, выделанной и скрученной в жгуты, и о-о-о, сколько можно сказать о человеке, приглядевшись к этим жгутам: если шкура со змеи снята, то это значит “родилась на болотах”, а если выползень – “родилась на болоте”. Первое значит, что в болотном краю родилась, а вот второе – в болоте мамка от бремени разрешилась. Про тех, кто носит выползень, у нас говорят “с болот выполз”. Если сброшенная шкурка от змеи безобидной, то, значит, вышло всё по воле случая и Ведающего Тропы, случайно прихватили схватки будущую мать в неурочном месте. А если с ядовитой – то и самый распоследний дурак поймет, что роженица добровольно ближе к сроку ушла в заповедное место, в сердце топей, чтобы приумножить своему чаду магическую силу.

Я вот с тех пор, как до кос доросла, таскала в них выползень с ядовитой гарры-змеи, и могла точно сказать, что всё это вранье и не работает.

И вот смотрела я на себя со стороны внутренним взором, смотрела, и думала... А что мне делать?

Можно бы конечно и снять обереги: мой бог, Ведающий Тропы, велел предупреждать честных людей, кто стоит перед ними. Но он не требовал, чтобы его слово соблюдали те, кто покидал болотные земли. Что за смысл давать знаки людям, если они все равно не сумеют их прочесть?

Вот только... Чем больше я думала, чем больше представляла себя без “дикарских украшений”, тем больше понимала... Мне нравится, какая я есть.

И если уж я и сниму знакомые и любимые с детства обереги и знаки, то только потому, что сама захотела, а не из-за тыкавших пальцев.

И, увлекшись воспоминаниями (а еще – ягодными пирогами), я чуть не прозевала момент, когда аргус и магистры покинули трапезную.

Спohватилась, торопливо вышла из трапезной и вслед за расписными мантиями поднялась по лестнице к рабочему кабинету главы сардского отделения ордена – и уже у заветной двери обнаружила, что не одной мне понадобился аргус.

Уходить я не стала, осталась ждать у заветной двери, которую закрыл перед самым моим носом Илиан Камень, доставшийся мне в напарники (ну вот, я же говорила, по заду я его узнаю куда увереннее). А пока дверь не захлопнулась, я успела услышать:

– Аргус Эстон, разрешите обратиться! Мне не нужен напарник, особенно – баба!

Вы посмотрите на него, всем нужен – а ему не нужен, надо же!

– Как ты меня утомил, Илиан Бирнийский, – усталый голос аргуса обрезало закрывшейся дверью.

Было искушение позволить себе подслушать разговор, речь в котором явно пойдет обо мне, но я мужественно его

преодолела. Правда, остановило меня вовсе не благородство, свойственное всем без исключения церберам (как утверждали наставники), а простой и безыскусный здравый смысл.

Его во мне не так чтоб много, но на то, чтобы не подслушивать тех, кто много сильнее и опытней меня, в самый раз хватило.

Хватало мне, впрочем, и пищи для размышлений: что значит “не нужен напарник”?

Орден Церберов существовал в землях Арганского королевства более семи столетий. Основали его эллины, что некогда были великой империей, покорившей едва ли не полмира, а после пришедшей в упадок и растворившейся в иных языках и народах. Памятью от них остались имена, встречающиеся иной раз даже и в глухих углах вроде нашего. Многие орденские названия, непривычные и резавшие слух поначалу, восходили к тем временам.

А еще, как рассказывали нам наставники, с тех самых пор не менялся способ составления рабочих церберских связок: в дозор всегда выходила пара из Клыка и Ока. Клык – это сила, Око – чутье.

В орден отбирают строго, и не смотрят ни на происхождение, ни на пол. Важен лишь дар.

В каждом акрополе есть зал испытаний. Наставники рассказывали, все они устроены одинаково: круглая комната, мозаичный пол с выложенным на нем трехговым черным псом, сводчатый потолок, расписанный изображениями чу-

довищ, жаждущих напасть на пса внизу...

Вдоль стен высокие, по грудь взрослому мужчине, подставки, числом двенадцать, и на каждой – круглый шар белого стекла, размером с человеческую голову.

Когда мимо шара проходит тот, в ком есть магический дар, шар начинает светиться мягким золотистым светом, и чем сильнее дар – тем больше шаров загорится.

Испытание – обойти зал по кругу и вернуться к двери, через которую вошел.

Если тот, кто ищет себе места под рукой ордена, зажжет меньше семи шаров (их еще зовут звездами) – цербером ему не быть, пусть даже других желающих на и совсем не будет.

Ордену нужны лишь сильные маги.

Клыкостать легче: и дар нужной направленности встречается чаще, и набирают их больше. Правда, и убыль среди Клыкостатей выше.

Попасть в Очи ордена Церберов сложнее – чувствительность встречается реже прямой силы, поэтому иногда особенно сильные Очи выходят в дозор с двумя Клыкостатями, один из которых, в первую очередь, бережет чувствительного партнера.

Но беречь Око настолько, чтобы вовсе в дозор не выпускать – это уже немножко перебор.

Око без Клыка, конечно, не справится.

Но Клыкостать без Ока что может делать? Мечом крапиву по обочинам дороги сшибать?

Мои умствования оборвала тяжелая дверь кабинета аргуса, распахнувшаяся во всю ширь – и стукнувшая в каменную стену.

– Хватит, Илиан! – раздраженно рыкнул аргус Эстон. – Я долго тебе потакал, но с меня довольно! Больше ты без напарника из Кремоса не выйдешь!

Хм, а хорошие здесь двери, если аргус с Камнем весь разговор так орали, а я, стоя прямо напротив двери, и словечка не слышала...

– Тогда дайте хотя бы парня, – взвыл Камень. – В бабе-напарнице хорошего – только сиськи, а у этой и сисек нет!

– Пшел вон! – рык аргуса, приправленный силой, выкатился за пределы кабинета, выталкивая оттуда и Камня, но тот наклонился вперед, уперся ногами в пол – и устоял.

А я сочла, что раз уж хозяин кабинета посетителя выгоняет, значит, моя очередь!

– Аргус Эстон, разрешите обратиться!

Вздрогнули оба. Аргус, разорвав контакт взглядов с наглым упрямым цербером, посмотрел на меня. Мой недобровольный напарник тоже оглянулся.

Я почувствовала, как мои губы против воли растягивает медленная пакостная улыбка.

* * *

В кабинете аргуса Эстона царил бардак. Письменный стол,

заваленный свитками, и бесчисленный свитки же, хаотично громоздящиеся на стеллажах, полках и даже на стуле для посетителей. Не погребены под ними были только огромный шкаф, обитый листами железа, расписанный рунами и стянутый металлическими полосами, в петлях которых висели замки с жуткими звериными мордами, да низенький столик, явный артефакт неизвестного мне предназначения.

Этот столик, от которого тянуло силой так, что ломило зубы, властвовал в комнате, притягивая взгляд: столешница, накрытая цельным куском стекла, таким прозрачным, ровным и чистым, каких я до того не видела, представляла собой короб с песком. И там, под стеклом, катился шарик, движимый неизвестной силой, безостановочно рисуя на песке завораживающие узоры, тут же их стирая и рисуя поверх прежних новые. Красиво!

Глаза от него я отвела с трудом и сожалением.

– Ты тоже будешь требовать другого напарника? – кисло поинтересовался аргус Эстон, когда дверь в его кабинет снова закрылась, оставив меня внутри, а Илиана – снаружи.

– Нет, меня всё устраивает: сиськи, задница...

– Что? – изумился аргус то ли моей покладистости, то ли невнятному бормотанию.

– Никак нет, говорю! – повторила я громче и отчетливее. – Хороший напарник, беру!

Теперь невнятно бормотать наступила очередь аргуса – и, клянусь, я слышала, это было “Так ему и надо!”.

Убедившись, что я пришла не для того, чтобы сплясать джигу на его нервах, аргус подобрел:

– Так с каким ты ко мне делом, Танис Болотная?

И я пересказала аргусу про “чужой” сон.

Сперва один раз, подробно. Потом второй раз, еще подробнее. В третий раз я пересказывала уже не сон, а свои ощущения от него – но со всеми доступными моей памяти деталями.

– Так с чего ты взяла, что сон – чужой?

И чего мне стоило промолчать, а?

Вздыхнув, я зашла на четвертый круг пересказа.

– Никогда не слышал о случаях перехвата чужих снов... – аргус Эстон по барабанил пальцами по столешнице.

Я тоже не слышала. Правда, это не показатель: меня в ордене ведь не в умники готовили, мое дело – на дороге по сторонам глазами зыркать и клинком махать.

– И ты уверена, что это именно перехват? То есть, хозяин сон не увидел?

– Я уверена.

Нет, ну что мне стоило промолчать? Сколько можно мне кишки на коленки наматывать?

– Ты сильный сновидец?

– Нет, – честно признала я.

– Прозреваешь будущее?

Я отрицательно покачала головой, признавая, что и этим талантом скорее обделена, нежели надделена.

– Подойди-ка сюда.

Аргус вышел из-за стола, и я успела мельком увидеть, что под его стулом тоже валяются вездесущие свитки.

Глава Кремоса подошел к манившему меня с самого начала разговора столу-артефакту, жестом показал, чтобы я стала рядом, и провел рукой над круглой столешницей, силой дара выровняв песок.

Шарик внутри замер на миг, возмущенный таким коварством – а затем сорвался с места, чертя новую вязь. Некоторое время мы оба всматривались в узор, я – восхищенно, аргус – осмысленно.

– Воздействия не вижу, – заявил он, после сосредоточенного изучения. – Силовые потоки в порядке, разрывов или узлов нет. Энергетический каркас на загляденье, очень устойчивая структура. На тебя, Танис Болотная, и направь воздействие – не очень-то оно ляжет. Правда, вот тут что-то есть, похожее на проклятие, но это старое.

– Это старое, – кисло подтвердила я. – Еще до ордена было. Меня не любят змеи.

– Почему не сняли?

– Неснимаемое.

Аргус молча кивнул, и перевел взгляд на песок, и я была ему за это благодарна: мне не хотелось рассказывать о той истории и собственной дурости.

– Нет, никакого воздействия... Вы приехали поздно ночью. Возможно, ты устала в пути, извелась, не зная, что тебя

ждет и просто плохо спала на новом месте?

– Возможно, – уныло подтвердила я.

– Но ты в это не веришь?

– Не верю.

– Понятно. Иди. Я позову тебя, если мне понадобится что-то уточнить, Танис Болотная.

* * *

Терек нашел меня, когда я, с гудящей головой выйдя от аргуса, шла на общий сбор – за распределением и заданием.

Перехватил возле самого выхода во двор, где уже толпились церберы, азартно блеснул глазами:

– Я такое про твоего Камня узнал!

– Узнал – выкладывай, – рассеянно одобрила я, всё еще будучи мыслями в кабинете и разговоре.

Но на площади началось шевеление, и Терек, подмигнув, со словами “Вечером расскажу!”, юркнул во двор и ввинтился в толпу, как рыба-вьюн – в донный ил.

Вот ведь, паршивец!

Я усмехнулась и покачала головой: и ведь момент подобрал так, чтобы я не смогла взять его за жабры и вытряхнуть, что он там нарыл.

Во дворе меня легко пропустили вперед, к своим – локтями толкаться не пришлось, и так же легко сомкнулись за моей спиной, оставив нас пятерых стоять в первом ряду.

Огромный бородатый мужик в магистерской мантии уже ждал, пока мальчишка-помощник установит рядом с ним высокую скамеечку а на нее – корзинку со свитками. Пацан закончил и встал в сторонке, а магистр обвел взглядом двор:

– Ну, начнем с новичков, пожалуй, – он достал из корзины и развернул один из свитков. – Клык Аим Коваль – с Эриком Черным и Вераной Кошкой, в малый дозор от Сарда до деревни Мауль.

После этих слов один из церберов, заросший черной бородой чуть ли не по самые глаза, молча поднял руку, показывая себя, дождался, пока Аим доберется к нему сквозь толпу, и пошел со двора. Вслед за ним потянулись Аим и та самая Верана Кошка.

– Магистр Ольгерд Жар, – буркнул мне Камень, невесть как оказавшийся за спиной. – Бывший Клык, сейчас Голос, ведает всеми вопросами, связанными с личным составом, принимает жалобы от горожан и назначает задания.

Видно, решил, что раз избавиться от напарницы не удалось, то деваться некуда, надо смириться.

– Владис Уголь, с Бежаном Пыхом и Годриком Шимским – в малый дозор от Сарда до деревни Корш. Дем Тоций – с Аскарсом Вепрем и Кайлом Шилом, малый дозор от Сарда до деревни Сольд. Терек Таларец – Игром Пухом, малый дозор от Сарда до Белой Горки.

Каждый раз, когда магистр Жар называл имя, цербер, получивший новичка в напарники, поднимал руку, забирал

подопечного и уходил, не дожидаясь, пока закончится распределение.

Я только отметила, что всех трех Клыков-новичков магистр поставил в сработанную пару, а вот оба Ока, я и Теренс, получили отдельного напарника. Очей действительно меньше, чем Клыков.

Магистр же наконец вспомнил о последнем новичке:

– Ну и Танис Болотная, которая волей аргуса уже нашла свое счастье в лице Илиана Камня – малым дозором от Сарда до деревни Мухоловки.

Под дружное ржание церберов внимательно осмотрел нас, убеждаясь, что мое “счастье” рядом со мной и никуда не делось, кивнул, и продолжил:

– Теперь остальные. Гемос и Навара!

На эти слова встрепенулась знакомая мне с ночной дежки кровати грудастая брюнетка, стоящая рядом с огненно-рыжим напарником.

– В Горш, – выдал им задание магистр. – Там двое детей пропало, возьмите у моего помощника жалобу тамошнего старосты и разберитесь...

Дальнейшее распределение я уже не слушала, поспешила вслед за своим собственным.

Он ушел довольно далеко вперед, но если надеялся, что я отстану или буду смешно за ним семенить, то зря: походка у меня мужская, размашистая, и нагнала я напарника быстро. Пристроилась рядом.

Не нравлюсь я ему, вы посмотрите... Я и посмотрела, искося, чтобы не быть пойманной на горячем: волевой подбородок, прямой породистый нос, брови взлет, лоб, который не намекает даже, а попросту вопиет, что скрывает под собой высокий разум (надеюсь, не очень хорошо скрывает, и мне когда-нибудь удастся его найти)... профиль – хоть сейчас на аверс монеты!

А что не нравлюсь – так не он первый, не он последний, ничего, смиритя.

Но эту задачу облегчать ему я не собиралась.

– Илиан, а что случилось с твоим предыдущим напарником?

Я с интересом заглянула в лицо Камню, гадая, ответит или нет.

– Осел на землю.

– Ранили, рассорились, выслуга?

– Не твое дело!

– Я просто хочу знать, надежный ли мне достался напарник! – возмутилась я.

Вранье, конечно, но убедительное.

– Влюбился, – едко удовлетворил мое любопытство Илиан. – В городе Нордвиге держит трактир на редкость грудастая вдова.

– То есть, тебя бросили ради сисек веселой вдовушки? – Сообразила я. – Не удивительно, что ты так бесишься.

– Во-первых, приличные женщины не говорят “сиськи”.

Во-вторых, я не бешусь. В-третьих, если ты думаешь, что я от твоих слов буду меньше беситься...

– Да как ты мог заподозрить меня в том, что я думаю?! Я приличная женщина, и умею только...

– Заткнись! – с нежной такой улыбкой попросил напарник, понимая, что сейчас ему в лицо прилетят его же слова.

Незнакомый магистр, проходивший мимо, счел необходимым осадить нахалку:

– Цербер, ваши слова оскорбительны для нашего ордена. Сестры по оружию служат в нем ничуть не менее достойно, нежели братья!

Но на моем веку было столько желающих меня осадить!

– Разве устав не велит напарникам во всем соглашаться друг с другом? Я изо всех сил учусь у старшего напарника!

Магистр перевел взгляд с меня на Илиана и кисло бросил:

– Камень, хотя бы по бабам ее ходить не учи!

Глава 3

Сборы много времени не заняли. Предусмотрительный Дем догадался сказать, что новенькую поставили в пару Камню – и когда мы с напарником пришли к кладовщику, нас обоих уже ждали готовые дорожные наборы, причитающиеся на малый дозор. Потому что – куда еще могли отправить цербера с новобранцем?

Я забрала и поблагодарила, демонстративно не глядя на Илиана – хотя посмотреть на него как раз было любо-дорого.

А теперь рыжий Коряжка добродушно тыкался мордой мне в плечо, намекая, что лошадку, пережившую жуткую и темную ночь в конюшне, хорошо бы чем-то наградить.

Крепкий, хороших кровей жеребец Камня смотрел на моего конька высокомерно.

Кони боятся магии и не любят ее проявлений. Редко какая лошадь способна позволить хозяину колдовать у себя на спине. А еще есть чудовища и оскверненные места, которых любое живое существо стремится избегать всей силой...

Поэтому лошадей, закупленных для ордена, меняют. Убирают страх перед магией, а еще – укрепляют ноги, спину, перерабатывают сердце и легкие... Делают выносливее и послушнее. И уже не важно становится, каких статей твой конь – имеет значение лишь, сколько в него вложили магии.

Я осторожно потянула рыжего за повод, выводя из конюш-

ни.

Пойдём, дружок.

Нас ждёт малый дозор.

* * *

Дожди прибили грязь и утомонились, и теперь Коряга цокал подкованными копытами по каменной дороге. Акрополь и Сард остались позади.

Камень держался впереди от меня на положенные два конских корпуса, и, похоже, достаивать вниманием неугодную напарницу не собирался.

Очень хотелось показать ему язык в духе “Бе-бе-бе, и без тебя разберусь!”, но я удержалась от заявлений и сразу начала разбираться.

Нам назначили участок от Сарда до Мухоловки – что бы это ни было. Город, деревня, река, приметная горка – не важно. У Камня не возникло вопросов, значит, он знает, что это и где заканчивается наш ломоть работы, а на ближайшем привале посмотрю карту.

Сам Сард и земля на полет стрелы от его стен на совести городских дозоров.

Я оглянулась, прикидывая расстояние.

Пожалуй, пора начинать.

Поводья легли на ременную петлю, специально для такого случая притачанную к седлу, и Коряжка привычно сменил

ход на более плавный: нам с ним не привыкать к работе. В ордене с учениками не нянчатся, после полугода натаскивания, щенков ставят к наставнику в пару и месяц гоняют в дозоры, а затем все обучение так и чередуют. По выходе из Логова молодняк успевает хлебнуть службы и всё уже знает на своей шкуре. И хвала Ведающему Тропами, а то с таким напарничком я бы поплясала!

А так – попляшут чудовища.

Я прикрыла глаза.

Дар покатился от меня волной, кругом по воде, коснулся напарника, мимоходом встроив его в мою картину мира, и откатился назад – оставив Камню доступным мое восприятие, а мне – понимание его местонахождения и состояния. Илиан вздрогнул едва ощутимо (сейчас, в момент настройки, когда вся моя чувствительность была направлена на знакомство с партнером, я определила это безошибочно), но сопротивляться не стал. И на том, как говорится, спасибо. Иной раз лучшая помощь – это не чинить помех.

Сила снова покинула пределы моего тела, устремившись вокруг приливной волной, теперь уже на чуть большее расстояние. Расцвела мир небывалыми цветами, позволив мне и допущенному к моему Видению напарнику убедиться – здесь всё чисто. Поблизости нет ни порождений темных сил, ни следов их проявления – ничего, с чем надлежало бы бороться ордену.

И снова.

И снова.

И снова – и каждый раз чуть дальше и дальше.

Обычная раскачка, настройка на напарника и работу в начале дозора.

Вот в круг моего восприятия попал дальний поворот дороги.

Вот...

Можно бы и не собирать силу каждый раз, так и держать вокруг себя кольцом, постепенно растягивая его всё шире, и магически это было бы даже проще – вот только и растратишь резерв так куда быстрее. И вроде бы дар в девять звезд позволял мне не жадничать и не трястись над каждой крохой силы – уж на малый дозор, из которого мы вернемся еще к ночи, её точно хватит! – но бездумно разбазаривать силу глупо, и не стоит к этому привыкать.

А то, что посылать импульс за импульсом чуть сложнее – так ничего, не переломлюсь.

– Впечатляет, – подал голос Илиан.

От неожиданности я едва не сбилась, но удержала контроль над кругом, и сила вернулась ко мне ровно, без рывка.

– А до того леска дотянешься?

Щетка деревьев и впрямь виднелась вдали, растянувшись темной полосой.

– Дотянусь, – я оценила расстояние. – Но самым-самым краем, толком ничего не почую. Без особой точности и пользы.

Мне показалось, или в его взгляде мелькнуло уважение?

– А ты? – Я с любопытством перевела взгляд с леса на напарника. – До границы леса – добьешь?

– Тоже – с трудом и на излете, – неохотно признался Камень. – Ладно. Сейчас раскинешь поиск, насколько сможешь – мне нужно знать твой предел. Потом посмотрим, какую площадь ты сможешь накрывать без перенапряжения продолжительное время. И посматривай, если сумеешь найти хоть какую-то мелочевку – покажешь, как ты умеешь указывать цели.

Я хмыкнула, и снова толчком послала силу наружу, захватывая кольцом еще на десяток шагов больше.

Кажется, мой расчет отоспаться за бессонную ночь в седле, раз в полчаса просыпаясь и отправляя поиск, провалился еще до того, как я успела приступить к его выполнению.

Но я ошиблась: в деревню Мухоловки я въехала именно так, как мне и мечталось. Дремая в седле, раз в полчаса, повинуюсь внутреннему чувству времени, просыпаясь и отпуская во все стороны кольцо чар.

И возможно, мой напарник мог бы счесть, что я обнаглевала, в первом же дозоре показывая такое попустительское отношение к работе, но, помилуйте, это же первый дозор! Кто ставит в новичков на опасные направления? Первый дозор нужен, чтобы напарники могли притереться друг к другу!

...вот мы и притерлись.

Илиан Камень взялся проверять мои умения всерьез, изу-

чая меня вдоль и поперек, на скрутку и на разрыв.

И если сначала я отнеслась к этому с пониманием, и даже одобрительно – напарникам надлежит знать возможности друг друга, пусть даже у меня и ломило виски к исходу первого часа, а через два уже гудела голова, и не только она. Но я радовалась тому, что Клык, от которого зависит моя жизнь, так серьезно подходит к совместной работе, и не могла понять, отчего связку с ним приравняли к наказанию.

А вот когда он отказался показывать, на что способен сам – поняла.

Эта гадская сволочь, считающая себя вправе требовать откровенности с меня, просто отказала мне в доверии.

Я не то чтобы оскорбилась – вовсе нет. Просто со мной внезапно приключилась удивительная глухота: я вдруг стала слышать напарника очень избирательно.

До тех пор, пока его указания совпадали с требованиями устава, слышала, а всё остальное – нет.

Мухоловка оказалась все же деревней, и не самой маленькой, хоть и не из слишком больших.

Обработанные, ухоженные поля и огородики заплатками окружали дома, забранные в кольцо надежного тына.

Ошкуренные, заостренные сверху бревна хоть и потемнели от времени и непогоды, но плотно прилегали друг к другу, оберегая человеческое жильё от зверей.

И не только от зверей.

Лес вокруг стоял темный, старый.

Из такого порой что только не выходит.

Остались позади распахнутые по дневному времени ворота – массивные, с тяжелым брусом запора.

– Дом старосты, – объявил Илиан, когда мы проехали вглубь деревни.

– А то я бы, скудоумная, не догадалась, чье это самое широкое подворье...

– Что?

– Спасибо, говорю, что подсказал!

Я соскочила с коня и повела Коряжку в поводу, разминая усталые ноги:

– Хозяева! Принимайте гостей.

Залаяла собака, выскочив из конуры – и я многоопытно отпихнула локтем благодушную рыжую морду, тут же потянувшуюся обнюхать местного кабыздоха.

Из дома выкатилась девчонка-малявка, ничуть не испугавшись вооруженных незнакомцев, радостно пискнула:

– А старших нету! Тятя к дядьке кузнецу пошел, а мама в огородах!

– Ну тогда показывай, где тут у вас умыться с дороги можно и коней напоить.

На своего, прости, Ведающий Тропы, напарника я намеренно не оглядывалась, из чистой вредности.

Кто ж знал, что моей чистой вредности этот... это... этот напарник решит противопоставить свою, грязную?

Спохватилась я, только вволю наплескавшись в ведре,

смывая с лица соль, пыль и недосып.

Огляделась.

Давешняя девчонка крутилась рядом, сверкая любопытными глазенками.

Коряжка со вкусом пил, звеня сбруей и фыркая в долбленную колоду от удовольствия.

Рядом с ним, изящно вытянув сильную шею, с видом величайшего одолжения пил воду высокомерный копытный засранец.

Засранца двуногого поблизости не наблюдалось.

Ну, и где его носит?

Я выдохнула, вдохнула – а на новом выдохе поисковый импульс растекся вокруг меня, разом накрыв всю гостеприимную деревню Мухоловки.

И показав прискорбное отсутствие напарничка на доступной моему восприятию территории.

Так. Та-а-ак...

Поиск.

Поиск.

Нет результата.

Собравшись с силами, я сосредоточилась, и выдала тройственный импульс, который, раскатываясь на предельную дистанцию, стягивался ко мне-источнику и снова раскрывался, каждый раз все полнее и тщательнее исследуя деревню.

Нет результата.

Я сжала зубы от злости, а ягодицы – от страха.

Какова вероятность, что опытного цербера сожрали быстрее, чем неопытный успел умыться?

Что мне будет, если из первого же дозора я вернусь с трупом напарника?

И что будет ему, если он не сможет предъявить мне в качестве оправдания свой труп!

– Тетенька, а вы обедать будете? У нас каша есть!

– Потом, деточка.

Я отодвинула в сторону беспокойное дитя, волчком вертевшееся рядом, привязала Корягу к коновязи особым узлом (не зная секрета – шиш развяжешь) и свирепо отправилась на поиски.

Поиск держался легко, как будто не было позади дороги и половины дня работы с даром на пределе моих возможностей. Я целеустремленно перла по кругу, разворачивая широкую спираль от условного центра – дома старосты, и чувствовала, как постепенно ослепительная злость утихает, сменяясь весельем.

Лихим, злым весельем.

Честной деревенский люд днем дома не застать, днем на улице работ невпроворот, но скучно мне не было: мой поиск звонким брехом сопровождали дворовые собаки, и ребятня тянулась позади любопытным обозом...

Кузня сыскалась на окраине деревни.

Я только хмыкнула – у нас тоже кузнец обретался поодаль от прочих.

Мужик он, конечно, в деревне уважаемый, да только очень уж у него промысел шумный и чадный. Хуже только у кожемяк.

Дом большой – видать, семья немалая. По правую руку от дома – кузня, где два рослых, крепких парня занимались делом – один держал клещами заготовку, пока другой колотил по ней молотом.

А по левую, за столом под раскидистой яблоней, два солидных дядьки в годах вели солидные разговоры – под снесь и кувшин чего-то холодного.

– Доброго дня! – звонко поздоровалась я, легко перекрывая кузнечный шум.

– И тебе поздорову, – тот, у которого плечи были поуже, а пузо пошире, подслеповато прищурился на орденскую бляху у меня на груди, хмыкнул и уважительно добавила: – церберша! Присаживайся с нами! – он похлопал по скамье рядом с собой.

Тот, у которого наоборот, плечи были шире, а пуза не было и вовсе, одобрительно кивнул, и зычно крикнул:

– Ринка! Неси-ка еще утварь – гостья у нас!

– Благодарствую!

Дородная женщина в платке поставила передо мной посуду, и в чистую кружку полился сбитень.

Я вежливо отдала должное угощению:

– Ох, и хороша у тебя хозяйка, кузнец!

Он польщенно хмыкнул в усы, его жена одобрительно мне

улыбнулась, собирая со стола объедки.

Теперь можно и к делу, пожалуй. Прожевав пышный ягодный пирог, я промежду прочим спросила:

– А что, не докучают ли вам чудовища?

– Так это... – староста погладил бороду и заинтересованно переглянулся с кузнецом. – Напарник-то твой уже спрашивал!

– Разделились. Служба! – я пожала плечами, как будто это все объясняло, и мой собеседник важно кивнул. – Так как?

– Тихо у нас, благодарение Великому. Почитай полгода уж ни единой твари не являлось, ни у нас, ни у соседей не слышно – спасибо Ордену.

Я коснулась пальцами трехглавой зверюги на медальоне, принимая похвалу и цапнула еще один пирог, на сей раз с грибами.

– А что, напарнику-то моему вы про то сказали? – степенно, как и положено доблестному орденцу, поддержала я беседу.

– Как не сказать, сказали, конечно, да только он у тебя въедливый да дотошный. Сказал, по лесу пройдетя, вокруг деревни обойдет – так, говорит, надежнее будет!

Понятно. Надежней.

Я с умным видом покивала, подтверждая – хороший напарник, дай боги всякому такого.

– Что ж, люди добрые, спасибо за прием, за ласку – пойду я. Пора мне, орден не ждет! Пусть пошлет вам Ведающий

Тропы ясного разума и верных путей!

– Храни тебя Великий, деточка!

Злое веселье плескалось внутри всё сильнее, но со двора я выходила неспешно, важно: как же, цербер! Нам, орденцам, суета не пристала!

К колодцу, где остались привязаны кони, я шла также неторопливо – и где-то на середине пути меня нагнал вихрастый постреленок, сунул в руки духмяно пахнувший узелок:

– Тетя орденка, мамка вам снеди в дорогу передала!

Я улыбнулась, потрепала его по русой голове, жалея, что не взяла с собой грошевых леденцов.

– Передай матушке мою благодарность!

Он кивнул нетерпеливо и припустил домой так, что только пятки засверкали.

Коряга дождался меня, устроившись с удобством: заботливая мелкая дочка старосты не скупясь задала корму лошадям орденцев.

Порадовавшись, что мы не собирались задерживаться в Мухоловке надолго, и потому не расседывали коней, я отвязала обоих от коновязи.

Заносчивый гнедой фыркнул, когда я потянул его за собой – но я быстро, не мешкая, прижала бляху с трехгавым псом к конскому лбу. Орденские чары сработали исправно, и гнедой смирился, пошел в поводу.

Выдержки моей хватило до самых ворот. Выбравшись за пределы тына я гикнула, пнула Коряжку пятками – и припу-

стила галопом, щедро понукая коней магией.

Э-ге-гей!

Только болотные бусины на шнурках взвякивают радостно и полощутся по ветру косы: Коряжка всеми силами выбивает подковами пыль из паршивой деревенской дороги, показывает, не зря ест орденский овес. Я подбадриваю его силой, и радуюсь, что после дождей дорога успела просохнуть, что ветер свистит в ушах и что напарник мне достался – дурак, прости, Ведающий тропы!

Сам виноват!

Гнедой шел рядом шаг в шаг, не отставая, магия орденского медальона работала исправно. Я сжимала в руках его повод, чутко отслеживая каждый рывок, чтобы, когда он последует – не дать вырвать себя из седла, но и не выпустить слишком рано.

Живее, сонные!

И моя сила вливается в конские тела, лучше шпор и поводьев убеждая: ходу-ходу-ходу!

Э-ге-гей!

Он спохватился быстро: какие-то полчаса, не больше. Сначала я ощутила волну накатывающей чужой силы – Камень работал тихо, и я, может быть, упустила бы, если бы не ждала, но я-то ждала! – а следом за ней поводья гнедого упруго рванулись из рук, когда конь встал на дыбы. Коряжка от неожиданности сбился с шага, шарахнулся вбок от беспокойного соседа. Хозяйский зов стряхнул мое принуждение,

и своенравная скотина спешила вырваться. Я даже и не думала бодаться, выпустила сразу – только на прощание отозвала силу, которой сама же не скупясь делилась до этого.

Мерзко усмехнувшись вслед беглецу (поглядим, насколько хватит твой резвости после получаса жестокого галопа!), я потрепала по холке Коряжку, и дальше уже пошла легкой рысью, давая рыжему отдохнуть от скачки.

* * *

– Цербер, на каком основании ты нарушила Устав, преврала дозор и как посмела протянуть руку к чужому коню!

Вот последнее, кажется, бесило его больше всего.

Вокруг было хорошо: молодой дубок давал какую-никакую, а тень, шумел ветерок, звенел ручей и рыжий мирно пасся неподалеку, выбирая наиболее вкусные травинки из зеленого ковра. Пахло разнотравьем, дорогой и совсем немного – тиной.

Я сидела под деревом, откинувшись на него спиной, подтянув к себе ногу и обхватив колено.

Пирог приятно растягивали желудок, уговаривая лечь и подревать в этом чудесном месте.

Нервно прядал ушами гнедой, разворачиваясь на привязи и с надеждой поглядывая на воду.

Я мечтательно грызла травинку.

Орал Камень.

Он нагнал меня, уже когда я миновала половину пути до Сарда и остановилась перекусить чем добрые люди послали, и теперь орал.

О, как он орал: вздымалась грудь, билась жилка на виске, а шрам над бровью налился краснотой от прилившей к морде напарника крови.

Я, не таясь, любовалась делом рук своих – и немного Илианом. Хорош, мерзавец! Даже сейчас – хорош!

– Отвечай на вопрос! – рявкнул Камень. – Либо станешь первым цербером, которого выгонят из ордена после первого же дозора!

– За что? – я удивленно вздернула брови.

Серое с черной кромкой перо на шнурке у меня на шее согласно шевельнулось на ветру: за что нас? Чисты перед орденом, как слеза младенца!

– Ты бросила напарника, цербер. Ты бросила брата-орденца там, где должна была искать чудовищ! Это позор. Орден цербера не держит трусов и подлецов!

– Ну тебя-то он еще не выпер, – мурлыкнула я.

– Что ты сказала?

Свистящий шепот рассек воздух, но я даже не дернулась к Плясунье, потому что насколько бы ни был взъярен Камень, к оружию он не потянулся.

Видимо, голыми руками убивать будет.

Я лениво сплюнула травинку, спросила ласково, с той же мурлычущей интонацией:

– Как так вышло, напарник, что в деревне Мухоловки мой дар вдруг перестал тебя видеть?

Он смотрел на меня с вершин своего роста (и уверенности в своем превосходстве).

– Я должен знать, с кем я работаю.

Поэтому ты закрылся. Козёл. Чтобы я побегала, искала. Неопытная дурочка, впервые оказавшаяся не в учебном – в настоящем дозоре. С настоящим напарником!

С настоящим мудаком.

А Камень глумливо бросил:

– Что ты за Око, если не способна увидеть своего Клыка!

– Хреновое. Хреновое Око! Поэтому, потеряв тебя из виду, решила, что тебя сожрали, и поскакала в Кремос, за подмогой!

Я же не Клык, я Око! Да еще настолько сопливое... Что я могу противопоставить твари, схарчившей такого опытного, сильного тебя?

Моя издевательская улыбка становилась все шире и шире, и уже грозила сомкнуться где-то за ушами, на затылке. Мы оба понимали: именно так и рассудят магистры, вздумай Камень поставить мне что-то в вину.

Кулаки Илиана сжались – как будто на чьей-то шее.

– Ты увела моего коня.

– Так ты же все равно сдох, – отозвалась я ласково. – Чего орденскому имуществу зря пропадать?

На воротах в Кремос отчаянно скучал выкупанный мной Рыскач, и я придержала коня:

– Здорово, Дейрек! Давно стоишь?

– Считай, с полудня...

– Не видел, из новичков все уже вернулись?

Он окинул меня одобрительным взглядом:

– Из новичков – все. А вот Гемоса с Наварой до сих пор нет. Хотя Горш – от Сарда рукой подать.

Я вспомнила, что Навара – это та грудастая брюнетка, с которой мы делили кровать (хоть и не думала я, что скажу когда-нибудь такое о женщине!), а Дейрек с Камнем обменялись взглядами.

– Ты меня не видел, – предупредил Илиан стража ворот.

А затем повернулся ко мне:

– Танис, – наступив на горло собственной гордости, попросил он, – Постарайся не попадаться на глаза магистрам, пока я не вернусь.

Гнедой, уже почуявший родные конюшни, возмущенно всхрапнул, когда его развернули от ворот.

Я согласно кивнула сама себе и шевельнула стремянами – Коряжка, давно уже смирившийся со своей печальной планидой, оставил мечты об овсе и послушно потрусил за гнедым (и золотистым).

– Лучший способ не попасться на глаза магистрам, – пояснила я удивленному Камню, – не заезжать в акрополь.

Глава 4

Илиан

Не получилось.

А жаль: я надеялся, что она либо стучится, либо полезет в драку...

Но новенькая только презрительно щурила болотные глаза, всем видом давая понять, насколько ей безразличен мой гнев.

Вот да-да, настолько. И еще немножко сверху!

Мне и впрямь хотелось устроить ей трепку: втягивать в человеческие ссоры животных – это... не достойно. А она чуть не угробила Гранита – шутка ли, она гнала его галопом во весь опор к Сарду, отлично зная, что потом его так же безжалостно потянет мой зов.

И досаднее всего было понимать, что ответить ей тем же я не смогу – не поднимется у меня рука обидеть рыжего конька с подозрительно добродушной физиономией.

Путь мы продолжили только после того, как я выводил и растер Гранита. Своенравный тильзирец всхрапывал, мотал головой – обиделся. Он не привык к такому скотскому обращению.

Напоил его из ручья, дал время попасться – и только после этого счел, что можно возвращаться в седло.

Молча.

Танис Болотная все это время так и валялась в тени дуба. Уехать в одиночестве не рвалась – но и заговорить первой не пробовала, загладить ссору не пыталась.

Толковая выйдет церберша. Если раньше шею не свернут.

Я тихонько хмыкнул, Гранит, горделиво ступающий по дороге, дернул чутким ухом на мой голос, и я похлопал его по холке.

Ничего! Не сработала провокация – другое что-то подберем.

Ничего личного, Танис Болотная. Просто я работаю один.

Сард выросал издалека постепенно: шпили, крыши, крепостная стена. Наезженная телегами колея сменилась мощенной камнем дорогой – вокруг Сарда обжитые, богатые места.

Стража на воротах знала меня в лицо и пропустила безропотно: свои.

Проехав город мало не насквозь, мы в молчании добрались до акрополя.

Когда Танис Болотная заговорила с Дейреком – я испытал прилив злорадства. Тяжко столько молчать, нервы не железные! Иначе зачем бы ей расспрашивать о том, что и так вот-вот узнает? Только поговорить, разрушить гнетущую тишину!

Но злорадства хватило ненадолго.

Да, Гемос и Навара – опытная, сработанная двойка, но...

Лучше я съезжу проверю.

Обменявшись понимающими взглядами с рыскачем – он тоже свою подругу в такой ситуации поехал бы проведать – я взял курс на Горш кратчайшей дорогой, и...

...и услышал за спиной стук копыт.

Да твою ж мать. Куда тебя, дуру несет – я же ясно сказал, проваливай в Кремос!

Дозор окончен, работа выполнена – дальше я еду по личным делам, и ты там никому даром не нужна!

“Лучший способ не попадаться на глаза магистрам – это не въезжать в Кремос”.

Я, прищурившись, разглядывал наглую девку.

Это что, шантаж?

Если я не возьму ее с собой, она пойдет к магистрам?

И что, по ее мнению, мне за это будет?

Хотя, по большому счету, вопрос для меня стоит по-другому: есть ли хоть один шанс быстро и надежно от нее отделаться?

Я бросил взгляд на придорожную канаву... Нет, не настолько надежно!

Но отказался от этой мысли я не без сожаления.

В конце концов, вряд ли там будет что-то опасное. Все равно мы, скорее всего, встретим их на полпути...

Отвернувшись, я молча поехал, куда собирался.

От старосты деревни Горш пахло свежим деревом: сосновые стволы в обхват толщиной сушились во дворе, заботливо укрытые от солнца, способного испортить бревна, немудрящим навесом из жердей и коры. Смолистый запах привялся к его одежде, запутался в волосах и курчавой бороде.

– Старшего сына отселять думаю. О том годе избу ладить будем, – пояснил он, заметив мой взгляд. – Вот и готовились помаленьку... Как Тима Тыквы и Рузы Серого детишки пропали, так не до того стало – ищем всем миром. Вы, господине цербер, не думайте, мы закон уважаем, и вашим сразу отписали.

Я молча кивнул, подтверждая, что всё верно: дети – источник огромной жизненной силы, и твари, охотящиеся на детей, прирастают быстро. Лучше уж десять раз поехать на вызов и вытянуть пустышку, чем один раз пропустить такое чудовище.

– Но и сами без дела не сидели, – продолжал тем временем староста. – Лес прочесывали, рыбаки ниже по реке с бреднями прошлись.

Мысленно я поморщился: если здесь и впрямь завелась тварь, то такое обилие пищи, которая сама идет в лапы, ее только порадует – а после двух детей ей вполне может хватить сил и на взрослую добычу. Но если чудовища нет, а есть

только два попавших в беду ребенка – то эти поиски вполне могут спасти им жизни. Поэтому морщился я только мысленно.

Непрошенная напарница стояла рядом и чуть позади, велела себя тихо и в разговор не лезла, предоставив мне вести расспросы.

Ее сила расходилась вокруг плотным упругим кольцом, то и дело возвращаясь – чтобы опять выплеснуться и накрыть уже больший круг. Сила каждого Ока, с которым мне доводилось иметь дело, всегда ощущалась по-разному. У этой она была колкой и холодной. Каждый раз, когда ее дар проходил сквозь меня, хотелось поежиться и потереть в районе сердца – по нему словно прокатывались маленькие, но острые железные ежики...

Мы определенно не созданы для работы в паре.

– Ваши к нам приезжали утрема, – рассказывал староста. – Мужик и девка. Представились, бляхи показали – всё честь по чести. Выспросили про детвору, что и как было, да и в лес ушли. А с тех пор больше не появлялись.

Поиск Ока дотянулся до околицы.

Танис раскачивала дар бережно, не торопясь. Я видел, что она умеет и по-другому – там, в Мухоловках, поиск разлетелся мгновенно, жесткий и требовательный.

Но там и цена ошибки была меньше.

– Как звали детей?

– Мик и Алкена.

Девочка. Плохо.

Танис дотянулась до леса и загнала в него дар на один перестрел, подсвечивая мир тусклой зеленью – ничего подзрительного.

– Возраст, когда именно пропали, во что были одеты, – начал перечислять я привычные вопросы, и осекся, когда Око коснулась моего локтя.

Но я уже и сам видел.

Твою мать! Не может быть!

В том, как видит мир Танис Болотная, я понимал только основное. Чтобы разобраться с деталями, нужно время и притирка. Но увиденное сейчас двух толкований не допускало: в лесу, не так далеко от деревни Горш (вряд ли дальше, чем в десяти перестрелах) кого-то лечили с применением нашей, орденской магии.

Заклинание щита сплелось само собой, еще в тот момент, когда я выскакивал со двора старосты. Меч надежной тяжестью оттянул правую руку. Если там лечат, а не воюют – то опасность, скорее всего, уже миновала, но все же, все же...

Потянувшись даром к нашему общему на двоих сейчас видению, я нашел Танис – позади меня, на десяток шагов, как и положено Оку, несетя след в след легкими скачками, окруженная легким маревом защиты.

Раз поставила щит – можно надеяться, что и оружие наизготовку взяла, а что подраться девка не дура, я еще с утра убедился.

Мысль, что это вовсе не означает, будто она сумеет постоять за себя в реальном бою, а я уже отвык беречь кого-то, кроме себя, я гнал.

Место событий, подсвеченной мне Оком, призывно мигало в моей голове, и я несся к нему со всех ног.

Утоптанная тропа сама вела в нужную сторону. Опушка. Лес. Вековые сосны.

Мы нашли их на свежей просеке. Рыжую голову Гемоса я узнал сразу. Молча, сосредоточенно он вливал свою силу в распростертую на земле Навару. Руки Клыка отчетливо дрожали.

На ходу сдернув с пояса фиал с исцеляющим эликсиром, я упал на колени рядом с церберами, выдернул пробку, начал отсчет:

– Раз, два...

Гемос не говоря ни слова стиснул челюсти бесчувственной напарницы, и на счет “три” исцеляющее тонкой струйкой потекло из фиала ей в рот.

Я запустил чары – и они не нашли у Навары никаких повреждений. Никаких. Кроме крайней степени магического истощения. А еще они показали, что цербер не просто без сознания. Всё куда хуже.

– Что у вас стряслось? – Танис, бухнувшаяся на колени рядом с Наварой с другой стороны, влезла со своим вопросом не ко времени.

Зато ее ладони легли на грудь Наве очень вовремя. Ге-

мос с обессиленным стоном отвалился, а сила Танис потекла тонким ручейком в бесчувственное тело, не давая угаснуть в нем искре жизни.

– Мы сюда приехали еще до полудня, – рассказывал Гемос, устало глядя на то, как Танис вливает силу в Навару: скупно, бережливо, готовясь поддерживать жизнь в теле столько, сколько понадобится, чтобы подействовали эликсиры.

Мы использовали все исцеляющие, что у нас были – те, что выдали Гемосу и Наваре рыжий потратил еще раньше. Но этого оказалось мало.

– Нашли старосту, получили подтверждение, что пропавшие дети всё еще не нашлись, начали работать. Обошли деревню и пошли по спирали, расширяя витки. Всё, как обычно. Всё было чисто, – Гемос устало потер лицо. – Всё было чисто, Навара опытное Око, мы не первый день в ордене, и я богами клянусь, всё было чисто!

Он жадно приложился к фляжке с водой, облился, утерся рукавом... Руки его всё еще дрожали – выложил Клык, спасая напарницу, серьезно, без шуток.

– В общем, следов чудовищ мы не нашли, и значит, это дело Ордена не касалось. Можно было возвращаться. Но... это же дети. Возможно, они просто заблудились? Что, если они еще живы? Мы решили задержаться и помочь с поисками.

Он снова замолчал.

Но я уже предполагал, что было дальше.

– И вы разделились?

– И мы разделились.

Танис

Ощущение было зыбким, неясным. Я не была уверена, что мне не мерещится от напряженного поиска в состоянии упадка сил. Но какая-то тварь тут была, я знала это, и я искала.

Во рту было кисло – тревожный знак.

Ничего. Ничего, надо просто перетерпеть. Нельзя оставлять здесь чудовище, высосавшее двоих детей и опытного цербера.

Я знала, чувствовала, что чудовище здесь. Если не само оно, то хотя бы следы – не может не быть следов там, где кормилась тварь! – и я искала. Раз за разом. Безостановочно повторяя поиск, нагнетая в него всё больше силы, выискивая по болотно-зеленый огонек, которым будет подсвечено чудовище...

Контур поиска полыхнул так, что я попросту ослепла как Око.

Я дернула Плясунью из ножен, полоснула воздух справа от себя – одновременно разворачиваясь к Камню и Гемосу левым боком, вставая так, чтобы быть одной из вершин треугольника, в центре которого лежит беспомощная Навара.

Илиан, по которому ударило моей слепотой, крутил кли-

нок мельницей – я слышала, как пела сталь, рассекая воздух. Гемос, не связанный со мной видением, не понимал, что происходит – и просто закрыл свою вершину треугольника, не задавая вопросов. Его меч выписывал петли в защитной позиции.

Всё вокруг полыхало зеленым, как будто чудовище было везде. Тварь лишила меня не только магического, а и обычного зрения – и ядовитая зелень застилала оба взора.

Как держался Камень – не знаю, а мне очень хотелось запаниковать. Сесть на тощую задницу – и заорать, закрыв глаза и прижав их для верности руками. Ни разу за все время обучения я не сталкивалась с подобным не только на практике, но и даже в теории. Но твари на то и твари, что они тьма и их – тьма.

Мы сплотились практически спиной к спине, насколько это позволяло бесчувственное тело Навары, зачарованный меч бессмысленно рубил зеленый туман, рассекая в нем только быстро затягивающиеся полосы, не способные всерьез навредить оголодавшей твари.

И я вдруг поняла, что где-то на подкорке, я, наверное, жду приказа. Четкого и ясного приказа – что делать, чтобы победить.

Вот только рядом нет ни наставников, ни привычных к натаскиванию новичков Клыков. Один – только что лишился сработанной напарницы, ослеп и оглох. А второй... а со вторым уже все ясно и помощи от него, как от козла молока.

Потому что козел.

Не будет мне приказа. А значит, соберись и делай свое дело, Танис.

Я всё это время продолжала пластать воздух на ломти верной Плясуньей – даже отупевший разум не смог помешать в этом хорошо выученному телу. Ослабить судорожный хват, сменить стойку на более удобную. И накрыть поиском столько этого проклятого богами леса, насколько хватит дара!

Я все же не ослепла – вот что я поняла в самый первый момент. Что я раскинула сети слишком широко, я поняла уже во вторую очередь.

Слепой участок насчитывал десятка три шагов в поперечнике, и он пульсировал, менял очертания, выбрасывал и втягивал щупальца...

Если верить поиску, вокруг нас извивался монстр размером в тридцать шагов. Если верить Плясунье, бесполезно хлещущей по воздуху – вокруг нас никого.

Вывод? Меня морочит чудовище, а я и рада. Сопли развесила.

Оно где-то здесь. Оно не может быть далеко! Точно – в пределах этих тридцати шагов, не дальше. Мне нужно... мне нужно просто взять себя в руки, и отыскать эту вонючую тварь.

Сжать поиск. Ограничить его этими клятыми тридцатью шагами. И повторять, повторять раз за разом, всё усиливая нажим заклинания!

...не забывая отмахиваться оружием – если я не хочу, чтобы мне отождрили что-нибудь нужное, пока я тут корячусь, как бесполезная идиотка.

От напряжения сводило затылок и зубы, и в глазах уже не зеленело – темнело. Шумело в ушах, и рот заливала кислая слюна: когда твой дар зажигает девять звезд в зале испытаний, работать на его пределе приходится не часто.

Но я больше не боялась: меня захлестнуло, закружило и незримые крылья снова подхватили и понесли на волне куража и вдохновения.

Я не отступлюсь и не уступлю, и не тварь сегодня сожрет меня, а я ее!

И я усиливала и усиливала поиск, отдаваясь ему полностью, не оставляя себе ничего про запас.

И – увидела. Обманную зелень там и тут пронизывали едва заметно мерцающие нити, чуть более темные, чем всё остальное вокруг. Они сплетались в паутину, и ее центр уходил куда-то в назад и вбок от меня.

Я увидела – и моими глазами увидел Камень. И ударил. Зеленое марево ослепительно полыхнуло, я болезненно заморгала, в очередной раз получив по глазам, а Камень рванул вперед, как будто им выстрелили из пращи.

Клинок мелькнул яростным росчерком – тварь завизжала. Не укрытая за своей странной обманкой, теперь она была видна даже обычным зрением, серовато-белесая клякса, мечущаяся над землей. В одну сторону, в другую – но Илиан

уже очертил границу, которую существу было не покинуть, и я даже не заметила, когда он успел.

Гемос стоял, сжимая оружие, над Наварой. Я всматривалась в поединок, готовая броситься на помощь, если понадобится.

Тварь визжала, не переставая, и этот звук должен был замедлить ее противника, сделать его медлительным и неповоротливым – но где ей против тренированного цербера? Он словно не замечал давления, теснил тварь подальше от нас, к краю поляны, и движения его были стремительны, заклинания точны, а клинок мелькал смертоносными росчерками...

И в этот миг он был прекрасен. Он был совершенен. Я смотрела на него – и чувствовала, как от восторга заходится сердце, и голова идет кругом.

Тварь, прижатая к границе, не успела в очередной раз увернуться, и это поставило точку в поединке: Камень ударил сразу магией и оружием, сталь полыхнула отсветом чар... И стало тихо. Так тихо, будто все вокруг оглохли.

Илиан опустил оружие, расслабляясь. И только тогда я поверила, что всё. Мы победили.

Истлевающие ошметки энергетической сущности плавали в воздухе, неспешно оседая на траву седыми клочьями – и растворяясь от прикосновения. Воняло какой-то горелой дрянью, тухлятиной – и почему-то – прелым деревом.

У меня подрагивали руки от схлынувшего напряжения.

А еще – пересохло во рту и тянуло вниз живота. Но это

от другого.

Сердце колотилось в ушах, и я медленно, плавно вдыхала и выдыхала. Как учили нас наставники на медитациях.

Ничего. Ничего, сейчас всё пройдет. Вдох – вы-ы-ыдох. Вдох – вы-ы-ыдох...

Дура дурацкая. Нашла время. Возьми себя в руки!

“Не знаешь, что делать – действуй по Уставу!”

Эта старая логовская мудрость еще никогда не подводила.

И я начала проверку места сражения на остаточные магические проявления, а также на присутствие эманаций существ, подлежащих зачистке.

* * *

До деревни Горш мы дошли боевым порядком: я впереди, за мной – Гемос, который немного пришел в себя и мог нести на руках Навару, замыкающим – Илиан.

Староста охнул, увидев нашу процессию, торопливо повел Гемоса с его ношей в дом, по пути зовя жену, а я... Задержалась.

Во дворе у старосты пахло знакомо. Сквозь привычные запахи деревенского подворья и свежих сосновых бревен теперь пробивался еще один, прелого дерева. Я прошла по подворью. Вдоль сложенных на просушку бревен будущей избы. Присела рядом. Принюхалась.

Хм.

Илиан, Гемос и староста рассматривали мою находку хму-ро.

Я-то звала только Камня – но бабы, хлопочущие рядом с уложенной на лавку Наварой, выперли всех, не церемонясь, и укладку бревен мы раскатывали вчетвером, а теперь вчетвером же глазели на истлевшее и рассыпавшееся на наших глазах в труху бревно.

Бревно, от которого ощутимо, крепенько разило сдохшей в лесу тварью.

Илиан присел рядом, растер в пальцах щепку. Принюхался.

– Давно лес валить начали?

– Да с месяц уж почитай, – мрачно откликнулся на его вопрос староста.

– Второй ряд снизу... – прикинул цербер. – За последние три с лишним недели ничего странного не происходило? Может, скотина болеть начала? Или еще что?

– У соседей кобель сдох – но решили, от старости. У меня вот куры сперва нестись перестали, а потом передохли.

– Еще кошка пропала, – добавил он подумал. – Но она пузатая была. Мы с бабой решили – скоро заявится, да не одна, а с приплодом...

Камень молча кивнул.

Он наверняка думал о том же, о чем и я. На той просеке, где Илиан уничтожил тварь, мы нашли старый трухлявый

пень. А еще – останки двоих пропавших детей, под корнями молодой не попавшей под вырубку сосны.

Глава 5

Илиан

В кабинете аргуса было сумрачно: закатное солнце, щедро заливавшее тренировочную площадку во внутреннем дворе, почти не попадало в его окна.

– Что за тварь – не знаю, никогда такой не встречал, но что-то из энергетический сущностей. Староста вспомнил, что в деревне лет сорок назад уже были такие случаи, пропадала сперва скотина, потом люди... К Ордену тогда не обращались.

Хозяин кабинета, слушавший мой отчет, понимающе кивнул: Орден берет дорого.

Вот только экономия, как показывает практика, обходится порой еще дороже.

Я продолжил:

– Местный колдун разобрался сам. Видимо нашел, дерево, где жила тварь, запечатал ее внутри и запретил в то место ходить. Но колдун давно помер, а запрет... подзабылся. Тихо же всё было. Деревенские валили лес и сами притащили бревно в деревню. Чудовище сперва тянуло силу из животных, потом зацепилось за детишек, которые вертелись у

старосты на подворье, отвело их в лес, и... Судя по тому, где мы нашли кости – тварь готовила себе новое пристанище. Мы всё вычистили, можно не опасаться повторов. Навара в себя пока не пришла, завтра утром ее привезут телегой. Гемос тоже остался. Собирался с утра, как восстановится, все проверить еще раз, ну и Навару оставлять не хотел.

– Почему Навара не заметила эту дрянь?

“А Танис – заметила” не прозвучало, но повисло в воздухе продолжением фразы.

– Она тоже не заметила, – буркнул я, задетый за живое. – Мы точно знали, что там что-то есть, но даже это не особо помогло, новенькая все равно не видела монстра, пока он не проявился. Наваре просто не повезло нарваться на тварь, которая умеет прятаться от поиска Ока, так могло не повезти любому! Гемос сказал, что всё было сделано по правилам, и насторожиться было не от чего.

– Всё, всё, хватит! Я понял – Навара не виновата! Разбулькался – не уймешь... – насмешливо оборвал меня Эстон, и сменил тему. – Что про новенькую скажешь?

Аргус знал меня, когда я был еще новичком, волей обстоятельств угодившим в церберы, а он сам еще был не аргусом, а всего лишь одним из магистров. Он и сам прекрасно знал, что я могу сказать про новенькую.

Во внутреннем дворе, видимом мне из окна и залитом алым закатным светом по самые стены, Танис Болотная висела на ограде тренировочной площадки и любовалась, как ее прия-

тели-новики трясут железом, и в таком ракурсе смотреть на новенькую было даже приятно (хоть и не на всю).

Вздохнув, я перечислил:

– Обладает ярким даром с выраженным уклоном в чувствительность восприятия. Потенциально – сильное Око. Но при этом наглая, неуживчивая и безрассудная...

Аргус выразительно хмыкнул.

– Игнорирует авторитеты и склонна к неподчинению...

Смешок аргуса Эстона прозвучал исключительно ехидно.

– Бестолковая: в нужный момент растерялась, и барьер, не давший твари сбежать, мне пришлось ставить самому...

– А учить надо напарницу, учить! – назидательно вставил аргус.

– Я вас прошу, отдайте ее кому-нибудь другому! – взмолился я.

– Мальчик мой, как я могу ее кому-то отдать? Вы же с ней как половинки одного целого!

Танис

Дем прыгал с клинком вокруг Аима, как тощий и нескладный, но очень настойчивый шмель вокруг цветка. “Цветок” только отмахивался – но атака “шмеля” всё равно каждый раз захлебывалась. Белобрысому сыну кузнеца, рослому и тяжелому, лично я Плясунью под прямой удар старалась не подставлять, чтобы не остаться без рук.

Поединок шел без магии и грозил затянуться надолго: Дем, хоть и выглядел так, будто вот-вот свалится от истощения, на деле выносливостью не уступал орденским коням и имел твердое намерение стать мастером меча.

Владис, Терек и я наблюдали за ними, опершись на ограждение: Владис с одобрением, я с нетерпением, Терек с семечками.

Сплюнув шелуху, Терек сам заговорил о том, ради чего я к ним подошла:

– Твой Камень, оказывается, графский сын. И не какой-нибудь там пятый, – Терек кивнул в сторону Дема, который как раз и был пятым сыном мелкого дворянина. – А первый наследник, и до того, как вступить в орден, звался целым виконтом. Ему и имя дали как у всех дворян, с подвывертом: Илиан означает “высокосолнечный”, не абы что!

Я с удивлением оторвала взгляд от поединка и повернулась к Тереку: дворянские дети не так уж редко шли в церберы – младшие сыновья без шансов на наследство и дочери без надежды на приданое. Сражаться с чудовищами, защищая от них честный люд и родные земли – достойный путь даже и для дворянина, особенно если иного нет. Да и на безбедную старость, если не кутить, скопить можно: Орден не бедствует и в деньгах своих людей не ущемляет.

Но отдать старшего сына и наследника на службу, с которой тот вернется не раньше, чем через пятнадцать лет, а то и вовсе не вернется? Чудно.

Терек энергично кивнул:

– Во-во. Ни разу не слышал, чтобы целого виконта – и в Клыки, а потом по дорогам нежить гонять! Там история мутная была. Вроде бы, виконт пропал без малого на год. Его искали, конечно, но нашли почти случайно: он в каком-то трактире стулья переворачивал и полы подтирал. Кто-то, из тех, кто знал его благородного батюшку, его увидел, сообщил графу...

Дем на тренировочной площадке лязгнул по мечу Аима особенно громко, и опустил свое оружие мечом в землю, показывая, что бой окончен. Аим пожал протянутую ему руку, и оба побрели в нашу сторону, Дем устало, Аим вразвалку.

Терек, поглядывая на приятелей, торопливо закончил:

– Словом, когда его домой доставили и целители его осмотрели, выяснилось, что не помнит себя графский сын. Ни имени, ни титула, ни родни – никого из семьи. Вот после того его в орден служить и отправили. Так и служит до сих пор.

Парни подошли к нам, и Дем устало нырнул разгоряченным лицом в колоду, пока обстоятельный Аим стаскивал рубаху.

Владис перепрыгнул ограду, занимая освободившееся место на площадке.

– Тер, скажи, я тебя о чем просила?

– Так это... – Терек, мыслями уже круживший вокруг товарища, удивился. – Разузнать про твоего напарника?

– Почти. Я просила выяснить, почему аргус, вместо наказания за драку, меня к Камню в пару назначил. И почему все вокруг так глядят, будто это наказанием и было, – напомнила я нетерпеливо переминающемуся парню.

– А! Так три Ока от него сбежали, никто больше месяца не выдержал! Благо, боги его магией щедро одарили и силой, и чувствительностью, вот он и ездит последние полгода один, сам себе и Клык, и Око!

Закат расплескался по камням последними лучами, Терек и Владис примерялись, с какого бока начать кромсать один другого, а я сосредоточенно думала.

Передо мной в полный рост встал вопрос, чего я хочу: стать Оком, которое заставит Солнышко с собой считаться – или стать Оком, которое пошлет эту задницу быстрее и дальше всех.

– А! Еще! – Спыхватился вдруг Терек. – Говорят, он раньше нормальный мужик был, а когда напарника его убили – вот тогда и пошел дурить.

И, отсалютовав мне мечом, волком наскочил на расслабившегося Владиса.

* * *

В трапезной ордена не гасят огня допоздна: когда бы не вернулся цербер из дозора – его ждут к ужину. Вот и сейчас за длинными столами то там, то тут стучали ложками,

негромко гудели голоса.

Но и без веской причины затягивать с приемом пищи не принято. Мы и не стали затягивать: мало того, что не принято, так еще и пустое брюхо не велит.

Я благодарно приняла у разносчика пузатую полную миску. Она, хоть и едва теплая, вкусно пахла ячменной похлебкой и мясом.

Хотя мяса в миске и не было: вечная участь опоздавших. Ну да не беда. Похлебка, щедрый ломоть хлеба и ягодный взвар – что еще нужно для счастья оголодавшему борцу с чудовищами?

– Ну, доехали мы до Белой Горки. Я глазами зыркал, а потом дядька Пух велел, чтобы я местных расспрашивал, – рассказывал Терек про свой первый дозор в роли настоящего цербера. – А что там расспрашивать, деревня небольшая, от Кремоса меньше половины дня пути. И коню ясно, что чисто всё. Мы на всякий случай Горку по кругу объехали, и завернули коней до Сарда. На обратном пути еще в две деревни заглянули – там тоже я всё больше языком трепал...

Я понятливо усмехнулась: старый Клык показывал местным жителям нового цербера. Так и должно быть, так обычно и делают. Аиму вон его напарник вовсе сказал, вести дозор и на него не оглядываться. Дему такого доверия не оказали, зато Владис сам зарубил молоденького жрача, на которого его вывел Око.

И никто никого не бросал и от службы не оттирал, мате-

рые орденцы честно натаскивали молодняк.

Ну его, этого Камня. Вон, Гемос пока без Ока остался – завтра подойду к нему и попрошусь в напарницы. А там, глядишь, Навара и согласится к Камню перейти... Ну, а не согласится – и пес с ним, успею осмотреться, она не за один день на ноги встанет!

– А ты как? – спросил Терек, и темные глаза любопытно сверкнули.

– Да так, – отмахнулась я. – Ехали – лаялись, доехали – поцапались, возвращались – грызлись. Думаю, завтра подеремся!

Владис радостно заржал:

– От твоего Камня три Ока сбежали, а от четвертого – он сам сбежит!

* * *

Вечерняя тренировка, ужин, купальни – и до своей комнаты я добралась, еле волоча ноги.

Вошла – и поразилась, до чего добротные в ордене двери: в комнате стоял такой жеребьячий гогот, что пустой кувшин из-под вина дребезжал, а поди ж ты, за дверью тишь да гладь!

Пили церберы вчетвером, рассевшись прямо на полу. Тяжелые кружки, вяленое мясо ломтями, развалившееся на блюде вперемешку с кусками хлеба, луковица, надкушенная, словно яблоко – наметанный глаз привычно выхватывал де-

тали сурового мужского застолья.

Не дожидаясь, пока меня позовут разделить веселье (потому что не позовут – вон как Камень пакостно ухмыляется), я прошла к своей койке прямо по “столу”, переступая через миски и чашки.

Вот зря он так, зря! Я ведь уже почти решила разойтись миром...

Не обращая внимания на прилипшие ко мне взгляды, стянула сапоги, аккуратно сняла оружейную перевязь: кинжал под подушку, Плясунью без ножен – сбоку кровати. Куртку зашвырнула в угол, все равно до гвоздя отсюда не дотянуться, а снова через них вышагивать – я им не цапля!

Предупредила братьев по ордену:

– Бухайте тихо! Разбудите – уе... убью!

Рухнула лицом в подушку, как была, и, уже засыпая, со злорадством отметила, что гогот так и не возобновился.

То ли мужики смутились, то ли все-таки не зря я начала свою службу в акрополе с того, что притопила Дерекка Рыскача, правильная слава начала складываться. По крайней мере, мне уже верят, когда я говорю, что уе... убью.

* * *

Я проснулась среди ночи от четкого ощущения чужого внимания.

В комнате было тихо. Ущербный месяц заглядывал в вы-

сокое маленькое окошко – но разглядывал меня явно не он. Единственный, кроме месяца, подозреваемый мирно дрых, развалившись в своей постели. Не храпел, даже не сопел, гадостей не говорил – словом, был полной противоположностью себе дневному.

Ощущение направленного взгляда никуда не делось.

Осторожно, стараясь не насторожить неизвестного наблюдателя (и известного напарника), я коснулась силы. Я закрыла глаза – а когда открыла их, мир, скудно освещенный месяцем, окрасился во все цвета зеленого.

“Взор цербера” легко пронзил стены, каменная кладка не была ему помехой, мягкой волной протек по акрополю, пытаюсь отыскать разглядывающего меня мага.

Ни-че-го.

Но... так ведь не бывает?

Если я почуяла, что кто-то смотрит на меня с помощью магии – значит, мне по силам его и увидеть, верно?

По крайней мере, в Логове нас учили так.

Я сотворила поиск. Растянула его, насколько смогла. Акрополь пестрел магией: фонило от снаряжения в комнатах церберов, в кладовых и арсеналах, в покоях аргуса мерцал запертой силой таинственный стол-артефакт, внизу, на первом этаже, сиял зал испытаний. И даже крепостные стены были оплетены вязью чар...

Не колдовал – никто.

Хм...

Хм.

Из чистого упрямства я потянулась к последнему средству.

Ведьмовство отозвалось неохотно: я почти забыла за эти годы, как это, быть ведьмой.

Но отозвалось – и кровь быстрее побежала по жилам.

Ведьмовство не похоже на магию ордена, эта сила – хмельная, буйная, она не течет тоненьким ручейком по прото-ренному руслу, а выплескивается вся, потоком, рывком – и оставляет тебя слабой, опустошенной и счастливой. Она пьянит.

Она бьет в голову.

Но и с ней я не увидела никого, кто мог бы наблюдать за мной.

Широко раскрыв глаза, я пережидала, пока схлынет наваждение, пришедшее со старыми ведьмовскими приемами, и гадала: может, прав был аргус Эстон? Может, я и впрямь навывдумывала лишнего?

Чужой сон... а теперь это.

А почему я вообще так твердо решила, что он чужой? Откуда взялась эта глубинная убежденность? Я в жизни ведь про подобное не слышала.

Мало ли что может присниться после долгой дороги да на новом месте.

...уж не жених невесте точно, видят боги...

Может и сейчас – просто приснилось?

День был тяжелый, нервный, утомительный, и Солнышко уравновешенности мне не добавлял...

Я покосилась на стоящую возле противоположной стены кровать.

Камень продолжал омерзительно беспечно дрыхнуть.

На всякий случай я решила пощупать силой и его.

Но стоило к нему потянуться восприятием, как цербер тут же тяжело вздохнул, перевернулся со спины на живот, нахмурился сквозь сон, и я торопливо отдернула “щупало”. Точно спит, не прикидывается, но на воздействие подпрыгнет, как и полагается хорошему Клыку.

Я отбросила игры с силой и прикрыла глаза.

Сон не то, чтобы ушел, спать хотелось, но теперь все мешало, шорох ветра за окном, уханье ночной птицы, собственная одежда.

Вот она – особенно. Отдельно взятого Камня я не стеснялась, но при четверых мужиках раздеваться не стала, легла как была, и теперь рубашка перекрутилась и сбилась, а ремень давил.

Я поднялась с кровати и принялась раздеваться.

Распустила ворот рубашки, потянула шнуровку... И поняла, что ощущение чужого внимания вернулось! Мало того, оно сменило оттенок, и теперь в нем явно чувствовался определенного толка интерес!

Мужик. Точно – мужик! Коз-з-зёл!

Дурная мысль стрельнула в башку и хмельное ведовство

не отгудело в крови, а иначе бы я никогда!..

...ладно, признаю: мне и на трезвую голову это показалось бы отличной идеей!

Я предусмотрительно отвернулась от койки Камня, чтобы, если уж он, не ровен час, проснется, увидел только спину.

Ухмылка растянула губы. Пальцы подрагивали, когда я тянула подол рубахи вверх – но спина прогнулась сама собой, чтобы грудь казалась выше, и живот, плоский сам по себе, втянулся, и бедро выдвинулось чуть вперед, подчеркивая изгибы...

Рубашка улетела на гвоздь, и я прикоснулась к себе ладонями. Проскользила от ключиц ниже, погладила, легонько сжала грудь.

Чужой взгляд, по ощущениям, прилип к телу. К голой коже. Я опустила ладонями к животу, очертила выемку пупка. Провела кончиками пальцев вдоль ремня – нежно-нежно, едва касаясь тела. Ласкающе погладила пряжку с чеканным цербером – а потом себя.

Смотри-смотри!

И я завтра... посмотрю. Кто будет от меня шарахаться? Или, может, наоборот – кто будет слишком заинтересован?

Ресницы сами собой опустились, отделяя веками от всего мира, оставляя только меня – и это внимание.

Жаркое, жадное внимание.

И мурашки, бегущие по моей коже.

Я медленно, тягуче повела ладонями вверх, лаская кожу.

Стиснула грудь, приподняла её, ощущая пальцами собственные напрягшиеся соски... В ушах шумело. К губам прилила кровь – ко всем.

Я провела языком по верхней губе, прикусила нижнюю...

За спиной заворочался, переворачиваясь, напарник – и я пришла в себя. Торопливо юркнула в кровать, натянув на себя одеяло. Сердце грохотало, как барабан, губы горели, между ног... между ног было влажно и горячо.

Штаны я стаскивала, не вылезая из-под одеяла.

Боги ведают, зачем.

На всякий случай!

Глава 6

Тук-тук-тук – топают копыта по утоптанной дороге.

Отряд церберов из пяти человек вытянулся цугом: Камень, возглавляющий отряд, за ним я, как его Око, потом Гемос, а следом еще одна пара из мужчины-Клыка и женщины-Ока. Их я не знала.

Утром, сразу после второго колокола, еще до завтрака и тренировки, нас позвали к Ольгерду Жару.

Гемос и эта пара церберов уже были там, и ждали, похоже, только нас с Камнем – потому что стоило только закрыться двери за моей спиной, как магистр заговорил:

– Вот что, ребяташки. Сегодня на рассвете в акрополь приехал гонец из городка Хорвус. Тамошний бургомистр подозревает, что рядом с одной из деревень завелась какая-то потусторонняя тварь. Доказательств у него нет. Но Хорвус, сверх обычного отчисления, ежегодно жертвует ордену двести монет золотом. Этого достаточно, чтобы месяц кормить четверть всех церберов Кремоса – и этого уж точно достаточно, чтобы вы впятером подняли задницы и поехали выяснять, завелось ли там что-то или нет, и, если завелось – что именно. Бургомистру не хамить, держаться вежливо: если из-за вас, раздолбаев, он решит жертвовать не на Кремос, а на другое отделение ордена, сюда можете не возвращаться, лучше сразу там и утопитесь в болоте. Ничего внятного

почтенный бургомистр Атамус не написал, так что с подробностями разберетесь на месте. Дорожные мешки и заводных коней вам уже подготовили. За старшего назначаю Илиана. Всё, выметайтесь. Если через полчаса вы будете еще в Кремосе – пеняйте на себя!

Светлая пышная борода магистра недвусмысленно указала на дверь – и мы вымелись.

* * *

Рыжий дернул повод в очередной раз, пытаясь дотянуться до выючной лошади, послушно идущей в поводу, и вернул мои мысли из кабинета магистра Жара на дорогу.

Коряжка был деловит и радостен: он любит ездить большой компанией, радостно знакомился с братьями, совал ко всем добродушную рыжую морду... и никогда не упускал случая угоститься чужими харчами, хитрая скотина.

– Танис, следи за своей клячей, – цыкнул сквозь зубы Камень, едущий прямо передо мной.

– Сам ты кляча, – вполголоса отбрехнулась я, но повод потянула, не давая Коряге на этот раз обкусить веточку с придорожного куста.

Высокомерный гнедой Илиана, чуя настроение хозяина, хлестнул хвостом.

В церберском отряде мы с Коряжкой были примерно на равных ролях: он – самый мелкий, ниже остальных коней

почти на ладонь, я – самая молодая.

Да и плевать: зато у Коряги самый длинный в отряде хвост, у меня – самый чувствительный дар!

– Цербер Танис Болотная, повтори-ка, что ты сказала, – ласково приказал Камень, который с утра лаял на людей, словно с цепи сорвался.

Позади послышались смешки: мы с напарником радовали отряд своей грызней с самого выезда.

А я, вздохнув про себя (ну как магистру пришло в голову ставить Солнышко во главе отряда?), послушно “повторила”:

– Я сказала, “сейчас заплачу”!

Смешки стали громче, а я развила мысль:

– Обидно же! Коряжка орденский конь, а не кляча, и вообще, вон у него какой хвост...

– По хвосту выбирала?

– Ага, – простодушно согласилась я, и насмешка не получила продолжения.

* * *

Утром Камень проснулся в приподнятом настроении. Правда, не весь: верхняя половина напарника была недовольной. Заметив, что я его рассматриваю, Камень натянул поверх утреннего жизнелюбия штаны, да и свалил из комнаты – тем самым дав мне без помех одеться.

Я, в отличие от Камня, благодаря ночным магическим (и не магическим) экспериментам не выпалась вся.

К утру ночные ощущения утратили силу, и я сомневалась, а было ли примерещившееся мне внимание?

Стоит ли верить ничем не подтвержденным ощущениям, если заклинания, проверенные что церберами, что ведьмами, ничего не отыскали?

Впрочем, верить всегда нужно себе. А потому я схожу к аргусу Эстону, расскажу ему всё (кхм, почти всё) и пусть что хочет, то и делает. Хочет – защиту над акрополем поднимает, хочет – гонит к лекарям прихворнувшее Око...

Но не сложилось.

А я ярко представляла, как это было бы: акрополь Кремос, комната лекаря – тесная, загроможденная сундуками, шкафами, полками. Сам лекарь, пропахший лечебными травами и едкими настоями, требующий описать, что произошло. И я, честно (лекарям не врут!) рассказывающая, как всё было:

“– Сперва мне показалось, что за мной кто-то наблюдает, а потом я почему-то решила, что будет хорошей идеей, если я разденусь и буду себя трогать. Скажи, лекарь, что со мной?”

– И-и-и, душенька, да это тебя естество зовет, мужика тебе надо! Всё, иди отсюда, лекарство за дверью сама найдешь!”

Камень, сощурившись, оглянулся на мой смешок, и я из уважения к его старшинству сделала вид, что смеялся кто-то другой, но не я, нет!

Илиан отвернулся, а я задумалась: а может, и правда, не было никакого взгляда?

Себе, конечно, нужно верить – но если я просто не поняла, что хотела себе сказать? И на самом деле это и впрямь, кхм, “естество зовет”?

Мужика-то у меня действительно давненько не было...

Может, и впрямь, завести кого? Мужиков вокруг – полный акрополь, на любой вкус. Пониже, повыше, тоньше, толще, темные, светлые, да хоть бы и рыжий – “лекарство” по душе подобрать не долго.

Составим с Солнышком расписание, будем по очереди ха-халей в комнату таскать!

У церберов на плотскую любовь запрета нет: это семью двенадцать лет заводить не могли, а любиться – любись, лишь бы службе помехой не стало.

Мне про это еще наставница рассказывала.

Тетка Карима, когда поняла, что на болоте мне жизни больше не будет, здорово вспылила – столько сил ею было в будущую преемницу вложено, а из-за моей дурости всё прахом пошло!

Но потом, когда гнев у нее уже схлынул, а задница у меня еще не зажила, стала понемногу отходить и наставлять бедовую-непутевую, рассказывая, что там у них да как:

– Как только звезды в Зале Испытаний новичка признают – всё, пути тому назад нет. Цербер своей волей из ордена уйти не может, только с позволения старших. А они раньше,

чем через двенадцать зим, не отпускают. Да и потом – еще по службе поглядят.

Я повозилась на лавке, пытаюсь осторожно согнать наглую муху: жар, вроде бы, спал, спасибо Ведающему Тропы, и в озноб меня больше не бросало, только укрыться все еще было выше моих сил. А эта тварь назойливая кружила, кружила, стремясь сесть на подживающую спину или то, что пониже – да и жигануть так, что искры из глаз сыпались.

Тетка Карима поглядывала на моё шебуршение искоса, поджав губы.

– А раньше, что – совсем никак? – я, наконец, устроилась поудобнее и затихла.

– Ну, почему... можно за золото. Но цену назначает орден, и он не торгуется. И обязательно должен найтись человек, который тебя выкупить захочет – самому за себя откуп заплатить нельзя. Это если вообще орден согласится отпустить. А не согласится – так просто откажет, и никто ему в этом не указ.

– А если, скажем, цербер – баба, и понесет?

Муха вернулась, и теперь жужжала где-то над ухом, зля невероятно.

– Ты себя-то самой умной не считай! – вскипела тетка Карима.

Спина заныла: нынче ей как раз за то и прилетело, что посчитала я себя самой умной.

Я затихла, замерла, выжидая – но миновало, и буря про-

шла стороной, тетка успокоилась так же быстро, как и рассердилась.

– Орденские бабы, конечно, нос дерут до небес. Да только родить не могут.

Думать об этом мне, шестнадцатилетней, было неприятно: пусть мужа мне ждать не приходилось, но детьми ведьме обзавестись никто не запретил бы.

Детей я хотела.

Не прямо сейчас – но когда-нибудь потом, попозже.

– Но беременная баба – ордену один убыток, – продолжала между тем наставница. – Да и мужикам след бы думать о том, как какую пакость изловить, а не как детишек прокормить. Так что как только станете вы новичками – так и проведут над вами обряд. Парней выхолостят, девкам чрево замкнут.

– Так что, – хмыкнула я, – Парни там все что боровы хощенные?

– Дура, ой, дура! – рассердилась тетка Карима, и моя задница испуганно сжалась на знакомые слова. – Окстись, девка, мужик без яиц – не мужик! Нет. Просто пустым семя становится, и прорасти не способно. Шесть лет, пока орден щенков натаскивает, и еще шесть лет, пока они злыми псами рыщут, вынюхивая, где нечисть затаилась, детей церберам не видать. Зато как срок минует, и волшебба спадет, тем, кто доживет, устав семьей обзавестись дозволяет, и даже из ордена для того выходить не обязательно.

Мерзкая муха теперь жужжала совсем перед носом, и я, замерев, приготовилась – а потом резким движением выкинула руку!

Спину обожгло болью, подсохшая корочка треснула и показала мне звезды из глаз посреди бела дня.

Я лежала, блаженно обмякнув, чувствуя, как по спине растекается упоительная прохлада.

– Ох, Ведающий Тропы! – причитала тетка Карима, накладывая мне на спину жирную мазь толстым слоем. – Почему, ну почему, такая сила – такой дуре!

Я потихоньку уплывала в сон.

Над головой ехидно и назойливо жужжала муха.

* * *

Я мотнула головой, отгоняя воспоминания (и привязавшегося ко мне слепня), косы подскочили и снова шлепнулись на грудь.

Дорога, по которой вёл отряд Солнышко, давно отделилась от большака и нырнула в лес. Вокруг шумели кронами деревья – и никакой тебе избушки тетки наставницы...

Только тянуло знакомым моховым запахом – кажется, где-то к самому лесу подступились болота – да метался перед конской мордой слепень, словно вырвавшись из воспоминаний.

Примерившись, я сшибла мерзкую тварь простеньким

“огненным плевком”.

– Танис, тебе делать нечего? – тут же возник Солнышко. – Потерпи до привала, там я найду применение твоим силам!

Вот же ж!

Вот интересно. Если цербера можно откупить у ордена за золото – почему граф-отец не растряс мошну для сына и наследника? Может, он и там всех достал?

Хмыкнув, я шевельнула ногами в стремях, и Коряжка пошел резвее, а вслед за ним послушно прибавила ход на совесть выученная выучная.

– Камень, а Камень! – позвала я напарника.

Позади меня оживились, предвкушая очередное развлечение в скучной дороге. Впереди, наоборот, предпочли не услышать.

– Илиан!

– Чего тебе? – сдался он, поняв, что я так просто не отлипну.

– Есть вопрос! – бодро отозвалась я.

– Рад за тебя, – буркнул Камень.

Я решила, что это вполне можно считать разрешением:

– Скажи, а тебя в Логове как учили – как Клыка или как Око?

Он оглянулся, хмыкнул, приподняв бровь, “украшенную” шрамом.

Ну, он же не ждал, что я этого не узнаю, верно?

Гемос не дал Солнышку скрыть от меня эту великую тай-

ну, хохотнул:

– Из него хотели Око вырастить, надеялись графского дитяю за спиной напарника от опасностей держать. Но такое шило разве удержишь!

– Всему меня учили, – буркнул Камень, метнув выразительный взгляд в напарника Навары. – И как Око, и как Клыка.

– Скажи, может ли такое быть, чтобы Око чувствовало чужое наблюдение, а найти смотрящего не могло?

Теперь во взгляде напарника сквозило удивление.

– Наблюдение магическое?

Отряд, прислушиваясь к разговору, подтягивался ближе. Я еще раз вспомнила вчерашние ощущения (стараясь вспоминать не все, а только магические, и надеясь, что кровь не прилила к щекам).

Наблюдал за мной, определенно, маг. Человек.

Не чудовище.

Коряжка позвенел трензелями, намекая мне, что я слишком натянула повод, и я торопливо исправилась, потрепала его по холке, извиняясь.

– Магическое.

Камень задумался, нахмурился сосредоточенно – и даже перестал на какое-то время выглядеть, как высокомерный засранец.

– Может.

– Не может! – вставила тетка-Око, русоволосая, полнова-

тая и какая-то вся уютно-округлая.

– Может, Грельда. Если есть существенная разница в силе дара.

– Если цербер наблюдение смог почувствовать, он сможет его и установить! – упорствовала тетка.

Вот и нас в Логове учили: способен почуять – способен найти.

– Если есть существенная разница в силе дара, мастерстве и расстоянии, с которого ведется наблюдение, – невозмутимо продолжил Камень, как будто его не перебивали.

Тетка фыркнула возмущенно и отвернулась ко мне:

– Я, кстати, Грельда Гроза, это Ринко Батог, – кивок себе за спину, – а это, – она ткнула пальцем в спину на Илиана, – хам, который не представил спутников друг другу!

Я сдержала смешок: приятно, что не одна я так считаю!

Камень сделал вид, что не слышит.

Ринко Батог, Клык Грельды, и впрямь худой и жилистый, как пастуший кнут, усмехнулся в усы.

– А ты чего спросила-то?

Переговариваться через Гемоса было не слишком удобно, Грельда повелительно махнула головой – и Клык покладисто подался к обочине вместе с выючной лошадей, благо, дорога здесь это позволяла, и пропустил Грозу вперед.

Конечно, ответ на этот вопрос нужно было бы продумать заранее – не трудно догадаться, что он возник бы. Но прогнозирование – это не моё, я сильна своей спонтанностью,

поэтому пришлось выкручиваться на ходу:

– Да так, гадаю, имеет ли вообще смысл та игра, в которую нас заставляли играть в Логове наставники? Когда нас сгоняли в учебные комнаты и заставляли первую половину учеников следить за товарищами, а вторую – искать, кто именно за ним следит. Какой в ней смысл, если невозможно не вычислить наблюдающего – а значит, у тех, кто следит, нет возможности победить?

– Ну не скажи! – легко проглотила обманку Грельда. – Это же не игра на самом деле, а отличное упражнение на разработку навыка, вы так тренируете скорость и силу поиска! Тут вовсе не в победе дело!

Камень, которого, видимо, тоже интересовало, отчего я задала этот вопрос, бросил на меня “ну-и-дура”-взгляд.

Дура, Солнышко, как есть дура – мне тетка Карима еще сизмальства это твердила!

Но рассказывать кому-то про ночного смотруна до того, как поговорю с аргусом, я не стану. Да и после не стану, даже если аргус Эстон и разрешит: неудачами со всем орденом делиться ненамного лучше, чем орденские секреты разбалтывать.

Но если за мной и впрямь кто-то следил... Я накрыла поиском весь Кремос. Кому я, к лебедям болотным, нужна за пределами акрополя?!

На обед останавливались совсем ненадолго, и доедали его в седлах: орденские кони, которых в ордене привыкли бе-

речь, устать не успели, а двести золотых ежегодно – достаточная причина, чтобы слегка утрудить церберов и вьючных лошадей.

Грельда рассказывала, как она заработала свое прозвище (нет, не потому что она гроза чудовищ – а просто, обладая сильной склонностью к погодной магии, ненужной ордену, она решила развивать ее сама, без наставника, и как-то раз вызвала грозу, которая гремела три дня. Не над Сардом, над другим городом – из которого ее от греха подальше перевели в Кремос, чтобы горе-магичку не пришибли разгневанные горожане). Я увлеклась, и тревожные признаки заметила, когда стало уже поздно.

Я спохватилась, когда изменился запах: в нем стало больше сырости, прелой листвы и еще чего-то, что невозможно описать словами. Знакомого с детства.

Подкованные копыта Коряжки больше не цокали по утоптанной до каменной твердости дороге – они проминали под собой упругую землю.

Мы приближались к болотам.

Мы приближались к болотам!

Илиан!

Мать твою каменную!

Я же смотрела перед выездом карту – мы должны были проехать болота стороной!

Напарник (чтоб ему!), как будто услышал мой мысленный вопль, оглянулся, скомандовал:

– Грельда, вернись на место. Сейчас будем срезать путь тропой через болото – идем походным порядком.

– Там... кхм-кхм, – я прочистила горло: внезапно сел голос. – По этой тропе лошади везде пройти смогут?

– Лошади – везде. Всадники – нет, – невозмутимо пояснил Камень. – Кое-где придется спешиться и вести коней в поводу, но выиграем полдня, самое малое: здесь болото вытягивается узким языком, телегам не пройти, поэтому местные объезжают. А нам нет смысла закладывать такую петлю.

Я тоскливо слушала объяснения, в высшей мере разумные.

Думая о том, что с развилки, которая вела в объезд болотного языка, мы съехали сразу после обеда.

Возвращаться – потерять без малого сутки на само возвращение и на объезд.

Мать-мать-мать!

Я тоскливо разглядывала небо в прорехах ветвей: солнце еще высоко, и есть надежда, что хотя бы ночевать мы будем на твердой земле.

– Что такое, Танис? – насмешливо уточнил Камень. – Ты же выросла на болотах!

Вот именно, Солнышко. Вот именно!

– А можно, я поеду сзади? Меня змеи не любят, – обреченно призналась я.

– Танис Болотная! – голос напарника потяжелел. – “Идем походным порядком” означает, что все каждый занимает

свое место в строю и внимательно смотрит по сторонам!

Стиснув зубы, я удерживала рвущуюся наружу злость, пока Камень отчитывал меня, как соплячку.

– Ты не у мамкиной юбки, а в ордене! Цербер должен уметь справляться со страхом!

В голове что-то шелкнуло, там стало пусто и весело.

Ну, сволочь высокосолнечная! Как скажешь!

Справляться – так справляться!

Я замолчала и шевельнула стремянами, что всё поняла, заняла свое место и готова тронуться в путь.

– Нашла коса на Камень! – хохотнул позади кто-то из спутников.

* * *

Чавк-чавк-чавк – конские копыта месили осоку и кукушкин лен в белых и розовых цветах. Сладковато пахло багульником, а еще – мхом и сыростью. Водой.

...домом.

Коряжка от окружающей обстановки необычайно взбодрился, норовил сунуть морду в траву, косил по сторонам хитрыми глазищами, стриг ушами и то и дело порывался наддать ходу – приходилось осаживать рыжую пакость. Спасибо, выючная взирала на эти выкрутасы меланхолично и переимать настроение не спешила.

Я, как и было сказано, поглядывала по сторонам, ограни-

чившись “соколиным глазом”: мы не в дозоре, и нам не нужно обнаруживать затаившуюся нечисть. Наша задача – без происшествий и задержек дойти до места назначения.

...и там уже вляпываться в происшествия от души.

Солнышко вел отряд не быстро и не медленно, ровным размеренным шагом, уверенно выбирая путь. И отряд он спешил заблаговременно – еще до того, как тропа начала проваливаться под сдвоенным весом коня и всадника.

Чувствовалось, что места эти ему знакомы.

Спешившись, я крепко ухватила и вьючный повод, и поводья Коряжки.

Коряжка возбужденно, тоненько заржал, прядая ушами.

Да, скотина рыжая, сейчас начнется...

Давай, Солнышко, ходу, ходу – чем меньше мы простоим на месте, тем лучше!

Камень окинул отряд взглядом, проверяя всё ли у всех в порядке, и скомандовал выступать.

Первая змея появилась, когда под ногами перестало приятно пружинить и начало противно чавкать.

Я сбила ее бросок сапогом, и даже добивать поленилась, уверенно распознав безобидную веретеницу. Коряжка всхрапнул, но я бескомпромиссно одернула повод, напоминая, что даже если я не в седле, все равно я сверху.

Следующая гостья была уже позадорней – ромбовидная черно-белая чешуя, тупая морда... Такую лучше не пытаться отбросить в сторону – либо обернется вокруг сапога и ужа-

лит (и хорошо, если в сапог, а не выше!), либо вернется и нападет снова, став еще злее.

Камень оглянулся на свист Плясуны – и нахмурился, я же с невозмутимым видом обтерла оружие.

И не стала убирать в ножны.

– Да что за пропасть, – зло ругнулся идущий замыкающим Ринко, – Уже третья! Камень, ты куда нас завел? Здесь же змеиное кубло!

– И у меня одна, – поддакнула Грельда.

Солнышко не успел огрызнуться, и оправдаться тоже не успел.

Потому что прямо из-под его ноги ко мне метнулась новая змея, и Коряжка не утерпел – стремительно дернулся, и змея забилась с одной и другой стороны конской морды, хлеща ее хвостом и пытаясь жалить. Короткая борьба, отработанный бросок мордой – добыча взлетела вверх, и упасть ей на землю Коряжка не дал, заглотил, кажется, целиком не жуя, прожорливая тварь.

Несколько мгновений мои спутники в молчании наблюдали, как рыжий возбужденно топчется на месте, хищно и нетерпеливо поводя мордой, принюхиваясь, выискивая...

А потом началось.

Змеи хлынули со всех сторон.

Визжали выючные лошади, а орденские строевые хрипели, топча пришельцев. И мой рыжий мелкий конек больше не казался добродушным, алчно и стремительно бросаясь в

атаку.

Камень вертелся волчком вокруг меня, попеременно работая оружием и магией.

Я молча и сосредоточенно рубила и жгла тех, кому удалось проскочить ко мне мимо этих двоих.

Их не может быть здесь много! Рано или поздно, это закончится!

Надрывно закричала чья-то стреноженная магией лошадь, а потом захрипела, забилась в путах, отчаянно, безнадежно.

Почему, ну почему я не подумала, что это обычные лошади, не измененные орденом!

– Вьючные сейчас угробятся! – бросил Ринко, орудуя энергетическим кнутом.

И придя к тому же выводу, что и я.

Они с Гемосом вдвоем прикрывали Грельду, а та швырялась убойными заклинаниями из-за их спин, матерясь, что прорва силы расплескивается впустую.

– Нужно отсюда уходить!

– Это не поможет, змеи пойдут за мной, – я на выдохе рассекла особо резвую, напавшую на меня, и успела полоснуть ту, что топтал Коряга. Перед лошадьми мне действительно было стыдно. – Нужно разделиться!

Камень полоснул меня яростным взглядом, а подползшую змею – заклинанием (хорошо, что не наоборот), а я продолжила:

– Рано или поздно змеи закончатся. Это же даже еще не

болото, всего лишь узкая полоса подтопленной болотистой местности, – буркнула я сквозь угрызения совести. – Я сейчас уведу змей по тропе назад, вы успокоите выючных и уведете их. Я выжду немного, и выдвинусь за вами.

– Можно. Просто. – Гемос убрал оружие и теперь сосредоточенно швырялся пульсарами на движение в траве. – Дождаться. Пока они кончатся! Полчаса. Не больше.

Я бросила взгляд на лошадей, которые хрипели и роняли клочья пены. Через полчаса для них может быть уже поздно.

– Разделяемся, – решил Илиан. – Карта у меня в правом подсумке. Гемос, забери – ты ведешь отряд.

– А вы?..

– А я знаю дорогу и так!

Глава 7

Разминуться на не слишком широкой тропе оказалось не так-то просто, особенно когда приходится отмахиваться от разъяренных меткой проклятия ползучих гадов, но все же возможно – и через какую-то сотню шагов чавкающая грязь под ногами сменилась упругой плотностью.

Коряжка укоризненно вздохнул, когда я взлетела в седло – раздутые от сытости бока согласно качнулись. Зато змеи будто разом ослепли – заметались бестолково, лишившись цели, а вместе с ней теряя ярость.

– То есть, ты все время могла так сделать, – заключил Камень, расшвыривая с тропы змей силовой “метлой”.

– И провалить Коряжку в болото? Я...

– Просто помолчи! – рявкнул он.

Змеи под его энергичными посылами подлетали с тропы, шлепались в болото, некоторые от этого впадали в ярость и лезли обратно наостылять противнику – но Камень всё равно старался их не убивать.

И так уже... сколько мы их здесь порешили. Нынче крысам да лягухам на болоте будет раздолье. А вот змедам придется поискать иные ловчие уголья.

Но идти по этой тропе людям я бы все равно пока мест не советовала. Да и обычным коням – тоже.

– Камень, я...

– Танис! Просто сиди там молча.

Ну, молча – так молча.

После того, как змей перестало звать проклятие, лишь самые упорные продолжали ползти туда, где оно звучало – так что новых гадов на тропе не добавлялось.

Дождавшись, пока Камень разгонит змеиное кубло и оставится, я спросила:

– Всё? Теперь можно говорить?

– Можно.

Я поднесла ко рту ладони, сложенные особым образом, набрала побольше воздуха в грудь и выдохнула, коснувшись дара.

Пронзительный и резкий крик птицы ловь разрезал воздух над болотом, затрепетало на шее серое с черным окаемом перо – а по сторонам от тропы вновь началось движение: то змеи, согнанные туда Камнем, спешили убраться подальше от своего самого страшного страха.

Я опустила руки и пояснила Камню, глядевшему на меня со странным (хе-хе, каменным!) лицом:

– Птицу ловь боятся все змеи – но пока проклятие зовет, ее криком их не распугать.

Та-а-ак... Чего это он к оружию потянулся?!

Камень вытянул клинок из ножен, смерил меня выразительным взглядом (очень много выразил, честно), достал из седельной сумки мягкую тряпицу и принялся чистить оружие.

Подумав, я занялась тем же.

И правда, нужно ведь выждать хоть сколько-то, пока несчастных животных не уведут подальше, а раз время есть – нужно потратить его с пользой.

Сначала мы работали молча.

Уложив Плясунью на луку седла, я усердно полировала ее. Потом, переступив через гордость, дурость и попросту – нежелание что-то объяснять этому чурбану, все же выдавила с неохотой:

– Я не ожидала, что выючные... так. Привыкла к орденским коням, и забыла, что нормальные лошади боятся змей.

Что церберам, привыкшим сражаться с чудовищами, какие-то змеи? Мы бы даже не остановились, миновав опасное место – а там я вернулась бы в седло и загнала гадов в болото. Но выючные лошади сошли с ума от страха, и застопорили отряд: их не удавалось провести дальше и невозможно было оставить.

А я, оказавшись в неподвижности, превратилась в прекрасный маяк для всего болота.

Камень, не говоря ни слова, уничтожал следы змеиных потрохов с поверхности своего оружия, и когда я уже совсем было решила, что зря взялась что-то объяснять, все же дал понять, что оценил мой шаг вперед:

– Где ты его подцепила? Проклятие?

– Доброе дело сделала. Правда, через задницу...

Камень хмыкнул, посмотрел на меня поощрительно, и я

скрепя сердце начала рассказывать:

– Я на Фидейских болотах жила. Ну, это у вас тут наши болота называют Фидейскими, у нас говорили попросту “змеиные”. Места у нас... места там хорошие, ягодные – клюква, морошка, черника даже есть, если места знать. Травы сильные взять можно – если знать, где, опять же. И охота богатая. Но змей в наших болотах и правда полно, иной год шагу не ступишь, чтобы на какую-нибудь не наткнуться.

Я поскребла ногтем подозрительное пятнышко на зеркально-чистом боку Плясуны: уж не патина ли? Но нет – пятно послушно подалось под ногтем, и я снова взялась за тряпку.

– Местные со змеями не связывались, и тетка Карима, она ведьма, и меня ведовству учила, тоже их не трогала. И сама, и мне не велела. Если только нужда по колдовской надобности выходила – но и тогда она самолично мне указывала, которую можно, а до того долго ворожила. А потом пришел голодный год.

Проклятое пятно никак не оттиралось, я хмурилась, но не отступала.

– Он не был мне отцом, а его сыновья не были мне братьями, – сразу предупредила я Камня. – Он неплохой мужик был, – я сглотнула. – Наверное, мать любил. Когда она умерла, пытался обо мне заботиться, хоть тетка Карима и ругалась, чтобы не смел девку приваживать, что он одну уже угробил, и будет.

– Угробил?

– Мать родами умерла. А понесла – от него. Он женатый был, детворы полон дом, и первый сын – старше меня. Он гостинцы мне таскал. Его жена шипела, а он все равно... То полотна штуку, то меда туюсок... А потом – голод.

* * *

...Жара высушила Змеиные болота мало не полностью, пощадив разве что самые гиблые топи – но и те урезала на треть. Казалось бы, радуйся – сушь открыла ягодные уголья, до которых в ином случае обычному человеку нипочем бы не добраться, но радости не было.

Безжалостное солнце пожгло поля-огороды, за всю весну почти не было дождей – и теперь скоту не хватало травы. Нас с теткой пока не затронуло – желающие ее волшбы еще не иссякли и исправно делали подношения. А даже если и иссякнут – “Болото прокормит!”, говорила Карима, похлопывая меня по спине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.